

52 РК-2 ХГУ

К-36 150090

Украинский вестник

1817 год.

Часть II 2-я

Апрель - кн. 4.

Май - кн. 5

Июнь - кн. 6

3 / ~~off~~

100 000

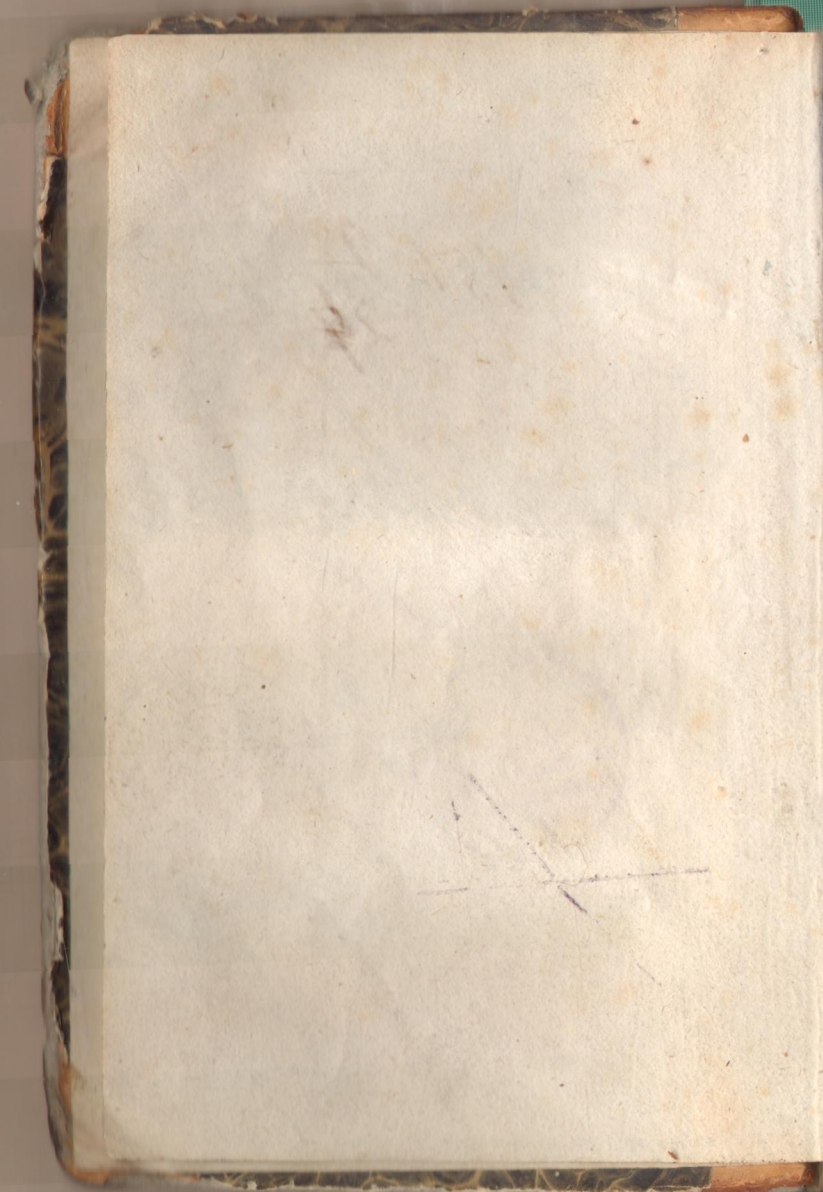
1000

pp
K-86-2
150090.

~~1435~~

~~1569~~
~~27~~

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

на

1817^й ГОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Евграфомъ Филомаѣтскимъ

и

Разумникомъ Гонорскимъ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Мѣсяцъ Апрѣль.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи,

1817.

90 02

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Харьковскомъ Университетѣ Цензурный
Комитетъ, основываясь на донесеніи чи-
тавшего сіе сочиненіе Адъюнкта Архан-
гельскаго, печатавъ оное дозволяетъ съ-
стѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпу-
ска въ Публику, представлены были въ
Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ
для Цензурнаго Комитета, два для Депар-
тамента Министерства Просвѣщенія, два
для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Биб-
ліотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ
Академіи Наукъ. Апрѣля 11 дня 1817 года.

Деканъ Гавріилъ Успенскій.

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

МѢСЯЦЪ АПРѢЛЬ.

1817.

I. НАУКИ И ИСКУСТВА.

Славянская Миѳологія

ИЛИ

О богослуженіи Рускомъ въ язычествѣ.

Богослуженіе древнихъ Славянъ намъ недовольно извѣстно; а обряды при ономъ употреблавшіеся еще менѣе. Наши Лѣтописцы пишутъ объ этомъ очень коротко, и по какъ будто съ какимъ-то презрѣніемъ и отвращеніемъ; можетъ быть потому, что они боялись, чтобы такими подробными описаніями идолопоклонства не возродить онаго опять въ народѣ непросвѣщенномъ и еще недавно по принужденію принявшемъ истинную вѣру. Такая осторожность похвальна; но мы чрезъ нее лишаемся многого: ибо ни изъ чего такъ нельзя судить о характе-

рѣ народовъ, какъ изъ ихъ религїи и обрядовъ. Надобно думать, что у Славянъ такъ же, какъ и у прочихъ идолопоклонническихъ народовъ, были пѣсмы Гимны въ честь Боговъ ихъ; но оныя по введенїи Христїанской вѣры можешь быть строго были запрещены даже и въ обыкновенныхъ забавахъ; — а такихъ дальновидныхъ писателей не было, которые бы старались тайно писать всѣ древности и чрезъ то познакомить потомство съ ихъ предками. Потому-то всѣ древнія пѣснопѣнія и обряды въ скоромъ времени всѣ почти преданы всеобщему забвенїю и до насъ не дошли. Правда, въ просто-народїи и нынѣ есть кой-какїе отрывки древнихъ Славянскихъ Гимновъ или Ди-эиамбовъ съ именами боговъ, — которые можешь быть остались отъ тѣхъ Славянскихъ народовъ, кои упряме прочихъ были въ принятїи Христїанства: каковы были *Вятичи*, *Мурома*, и проч. Но всѣ сїи остатки такъ испорчены, такъ перековерканы, — что ничего цѣлаго въ нихъ найти нельзя. Мы воспользуемся по крайней мѣрѣ тѣмъ, что найдемъ

въ нашихъ лѣтописцахъ вразсужденіи древняго Славянскаго Богослуженія, — и нѣсколько возьмемъ ихъ преданій.

Естьли повѣрить Проконію Кесарійскому; то древніе Славяне почитали одного Бога невидимаго, котораго никогда ни въ какихъ лицахъ не изображали, — почитали его создателемъ вселенныя, заколали въ жертву ему телцовъ и агнцовъ. Они не признавали Магометанскаго рока и ничего не приписывали случаю, но все провидѣнію. Въ трудныхъ болѣзняхъ, или идучи воевать противъ непріятеля, или въ другихъ опасностяхъ дѣлали жертвенные обѣды Богу своему, — и по исполненіи ихъ упованія выполняли оныя немедленно.

Никто однако не упоминаетъ о томъ, какъ называли Славяне сіе верховное существо ими покланяемое. У Цельшовъ верховнѣйшій изъ ихъ боговъ назывался *Одиномъ*; Цельшты были сосѣды Славянамъ, слово *одинъ* есть также Славянское и значеніе онаго всякому извѣстно. Посему можно догадываться, что *Одинъ* былъ общій Богъ какъ *Цельшовъ* такъ и

Славянъ, — хотя утвердительно сказать того нельзя. И то такъ же отъ насъ совершенно закрыто, когда кончилось у Славянъ шакое поклоненіе единому существу и началось многобожіе. Во времена Буриvoja и Гостомысла находимъ, что многобожіе уже существовало между Новгородскими Славянами и Чудью. Въ *Колмогарѣ* городкѣ при Ильменѣ лежащемъ и въ *Зимологахъ* около Чудскаго озера были прорицатели или *вѣщунъ* (родъ жрецовъ), — которые именемъ Боговъ, неизвѣстно какихъ, давали отвѣсы приходящимъ на поклоненіе къ онымъ и желающимъ знать о будущей судьбѣ своей. Исторія представляетъ примѣръ сему въ самомъ Гостомыслѣ, — который, увидѣвъ значительный сонъ, посылалъ въ *Колмогарѣ* и въ *Зимоголы* спросить вѣщунъ о значеніи онаго.

При Владимирѣ въ первый разъ видимъ мы имена нѣкоторыхъ Боговъ и нѣкоторые обряды при жертвоприношеніи употребляемые. Нельзя однакожь думать, чтобъ Владимиръ ввелъ первый почитеніе сихъ боговъ; онъ только со-

бралъ всѣхъ ихъ изъ разныхъ однород-
ныхъ народовъ подъ его владѣніемъ на-
ходящихся и здѣлалъ изъ оныхъ какъ
будто *Пятеонъ*.

Великій Поэтъ нашъ Херасковъ въ
поэмѣ своей *Владимиръ* составилъ со-
вѣтъ изъ Боговъ прошивъ Владимира и
помѣстилъ его въ *Перуноволъ* храмъ, ко-
торый стоялъ надъ Буричевымъ ручьемъ:

Вступили съ трелетомъ въ Перу-
новъ храмъ они, — то есть *Пламидъ* жрецъ,
и *Зломиръ* волшебникъ.

Сей храмъ, ужасный храмъ надъ Бури-
чевымъ токомъ,
Спокойно не былъ зримъ безстрашнымъ
самымъ окомъ.

.....
Звучащъ оружіемъ приходитъ Черно-
богъ. . . —

Во мрачномъ сонмищѣ я вижу злаго *Нѣя*,
Въ немъ ада судію содѣлала Россія, —
Онъ пламенный въ рукахъ держалъ на
грѣшныхъ бить;
Являлся тамо *Хорсъ*, *Семиргаль*,
Купало, *Зинь*.

Я вику межъ боговъ роскошнаго Усла-
да;
И златовласая съ младенцемъ тамо
Лада.

Полесть веселостей богиню провож-
далъ;

Въ немъ Кіевъ брачныя союзы обожалъ.
Тамъ Посвистъ бурями, какъ ризою,
увитый;

Тамъ Волосъ паствы богъ, и Дажбо
плодовитый.

Вотъ весь совѣтъ боговъ изъ четыр-
надцати персонъ состоявшійся. Но мы
не ограничимъ себя симъ количествомъ.
Нѣкоторые изъ нихъ по разнымъ обстоя-
тельствамъ не были въ присутствіи;
однакожь были уважаемы разными Славян-
скими поколѣніями. А нѣкоторые еще не
получили той ошечени, чтобы засѣдать
въ совѣтѣ.

Хотя исторически намъ неизвѣстно,
откуда къ Славянамъ и прочимъ сѣвер-
нымъ народамъ зашло многобожіе; но ка-
жется позволительно думать, что оно
Греческіе и Римскіе б-ги на сѣврѣ при-
няли другія имена и другіе виды: ибо мы

увидимъ, что Славянскіе боги имѣли почти всѣ свойства боговъ Греческихъ и Римскихъ.

Перунъ, или какъ нѣкоторые называютъ *Перкунъ*, былъ главнѣйшій изъ боговъ Славянскихъ,— которому приписывали всѣ тѣ свойства, какіе Греки своему Зевесу, а Римляне Юпитеру. Перуново могущество простиралось надъ всеми явленіями небесными. Онъ являлъ себя смертнымъ въ молніяхъ, и мщеніе его низпускало громовыя стрѣлы на главы грѣшниковъ. Самое имя означало *гроу* и, или *громовую* стрѣлу. Производитъ онъ *Пера*, какъ необходимаго при всѣхъ стрѣлахъ; или онъ глагола *Парю*, который также переименился изъ *Перю* и значить стремительное летаніе. Можетъ быть это тотъ самый богъ, котораго древніе Скифы почитали подъ именемъ *Шоля*.

У Кіевскаго Перунова истукана голова была серебряная, уши золотыя, ноги желѣзныя, а все прочее изъ крѣпкаго дерева. Въ рукахъ держалъ онъ камень, на которомъ представлены были стре-

мишійся молніи изъ драгоцѣнныхъ камней, рубиновъ и карбункуловъ. Храмъ его былъ надъ *Гуричевымъ потокомъ*, на высокомъ холму; въ ономъ безпрестанно горѣлъ предъ нимъ огонь; жрецъ, небреженіемъ допустившій погаснуть сему огню, наказывался смертію. Въ жертву приносили ему воловъ, часто плѣнныхъ, особливо Христіанъ, а иногда и младенцовъ своихъ.

Испукановъ Перуновыхъ было много по разнымъ мѣстамъ; но значнѣйшіе изъ нихъ Кіевскій и Новгородскій, воздвигнутые Владимиромъ и Добрынею.

Перуну посвящены были многіе лѣса, въ которыхъ срубить дерево считалось за величайшій грѣхъ, — и одна только смерть могла очистить такое преступленіе.

Волосъ или *Велесъ* послѣ Перуна занималъ первое мѣсто и почитался богомъ скотоводства. Славяне, заключая мирные договоры съ непріятелемъ, клялись Перуномъ и Волосомъ и еще мечемъ. Это значило, что у нихъ скотоводство и война были въ великомъ ува-

женіи. Истуканы Волосовы были поставлены на многихъ мѣстахъ; но мы не находимъ нигдѣ описанія, въ какомъ видѣ изображался сей богъ. Суевѣріе вразсужденіи сего бога не исчезло еще и понынѣ; и наши простолюдины на мѣсто его поставили преподобнаго Власія. Сей богъ по дѣйствіямъ своимъ похожъ на Греческаго Пана или Паноса; но вѣроятно не по изображенію.

Свѣтовидъ (Святовидъ, или Святовицъ) былъ богъ свѣта, и вмѣстѣ войны. Его можно сравнивать съ Аполлономъ, котораго древніе изображали въ сѣяніи; а иногда съ лукомъ и съ стрѣлами. Его нельзя прямо назвать Славянскимъ богомъ; онъ болѣе былъ въ почтеніи у западныхъ Варяговъ, имѣлъ храмъ на островѣ Ругенѣ въ городѣ Ахронѣ. Жители сего города, какъ мужчины, такъ и женщины, каждый годъ должны были приносить во храмъ его по пѣнязю.

Истуканъ Свѣшовидовъ былъ колоссальной величины и сдѣланъ изъ крѣпкаго дерева; имѣлъ четыре лица, которыя можешь бышь означали четыре времени го-

да. Онъ изображаемъ былъ молодымъ съ завитыми кудрями и въ короткомъ платьѣ. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ лукъ, а въ правой рогъ изъ какого нибудь металла сдѣланный. На боку висѣлъ у него превеликой мечъ въ серебряныхъ ножнахъ. По сторону лежало сѣдло и узда коня его, который шутъ же изображался въ чрезвычайной величинѣ.

Истуканъ его стоялъ посреди храма въ капищѣ, или въ кивотѣ; и завѣшенъ со всѣхъ сторонъ красными и великолѣпными завѣсами. Къ нему никто немогъ войти, кромѣ пресвятаго жреца; и тотъ входя въ капище долженъ былъ удерживать духъ, чтобы не осквернить божество смертнымъ дыханіемъ.

Праздновали Свѣтовиду по окончаніи жатвы. Въ жертву приносили ему скотовъ. Въ самый день праздника жрецъ по закланіи жертвы, ставъ предъ всѣмъ народомъ, бралъ изъ правой руки истукана рогъ за годъ назадъ наполненный виномъ, — и смотря много или мало оное убывъ, прорицалъ велегласно о плодородіи слѣдующаго года. Послѣ того выли-

валъ онъ старое вино предъ ногами истукана и наполнялъ новымъ, пилъ въ честь своего бога и просилъ о низпосланіи на поля ихъ обильной жатвы, также побѣды на сопостатовъ; потомъ наливалъ снова рогъ виномъ и ставилъ идолу въ правую руку; пиршество сопровождаемо было пьянствомъ и игрищами.

Свѣтовиду посвященъ былъ бѣлый конь, который всегда стоялъ при храмѣ его; и у котораго не позволялось выдернуть ни одного волоса, а колями наче сѣсть на него. Симв правомъ пользовался одинъ только жрецъ. Ахронцы вѣрили, что ихъ богъ на семь конѣ ѣздилъ побѣждать враговъ ихъ. Когда должно было гадать о будущемъ успѣхѣ ихъ оружія; то втыкали стоймя передъ храмомъ шесть копій по два въ рядъ и ко всякимъ двумъ копьямъ привязывали поперегъ по одному столъ высоко, чтобы лошадь могла перешагнуть безъ затрудненія. Жрецъ по прочтеніи нѣкоторыхъ молитвъ бралъ коня за узду и переводилъ его чрезъ тѣ поперечныя копья. Ежели конь переступалъ чрезъ нихъ сперва

правою ногою, по сѣе предвѣщало хоро-
шій успѣхъ; въ противномъ случаѣ не
надѣялись успѣха и отлагали войну до
другаго времени.

Изъ сего описанія видно, что Свѣ-
товидъ одинъ помѣщаль въ себѣ: *Феба*,
Марса, *Цереру* и *Бахуса*.

Кулало или *Кулала* неизвѣстно богъ или
богиня; я принимаю за богиню, и думаю что
она соотвѣтствовала Римской *Полонѣ*,
или лучше *Флорѣ*. Она почиталась самою
приятною и благодѣтельною; и ея могу-
щество простиралось надъ всѣми поле-
выми произрастѣніями. Праздникъ ея быв-
шій въ началѣ лѣта, 24 Іюня, и въ сре-
динѣ лѣта 29 Іюля, сопровождаемъ былъ
разными удовольствіями. Остроки и дѣ-
вицы всѣ, украсившись вѣнками и пояса-
ми изъ цвѣтовъ или изъ травы соплешен-
ными, разкладывали огонь и взявшись за
руки плясали около онаго, перепрыгива-
ли чрезъ него и пѣли пѣсни припѣвая
имя сей богини. На всѣхъ видно было
приятное впечатлѣніе радости; и толь-
ко невинные смѣхи прерывали иногда
гимнопѣніе. Праздникъ сей богини и нынѣ
еще въ почтеніи у нашихъ суевѣровъ. Они

на мѣсто самой Купалы св. *Агриллин*у
назвать *Кулалъницею*, *Іоанна Крестите-*
*ля Кулалъски*мъ, составляютъ разныя
играща. Въ эти дни рвутъ цѣлительныя
травы и вѣря, что собранныя тогда тра-
вы дѣйствительны при лѣченіи всякихъ
болѣзней. Такое упражненіе суевѣровъ
напоминаетъ думать, что Купала была
также богиня здравія и соотвѣстествова-
ла Греческому *Эскулапію*. (*) Мы не знаемъ
накъ изображался истуканъ сей богини.

Бѣлбогъ, такъ какъ и *Свяшвидъ*, не
принадлежалъ къ Славянамъ - Рускимъ; но
былъ почитаемъ у Славянъ *Варяжскихъ*.
Его признавали подателемъ всѣхъ благъ.
Истуканъ его имѣлъ кровавый видъ, улы-
банный множествомъ мухъ; чрезъ что
изображали его питателемъ всѣхъ тва-
рей. Жертвоприношенія его сопровож-
даемы были веселіемъ, играми и пирше-
ствами. Мы не находимъ въ древней мѣо-
логіи на него похожаго.

Противный *Бѣлбогу* былъ *Чернобогъ*,
котораго почитали Славяне испотникомъ

(*) Имѣли принявъ Купало въ значеніи богини; по
сходственнѣе кажется будетъ сравнивать ее съ
Греческою *Гигеею*. Примѣч. Издат. Ф.

всѣхъ золь, и жилище его полагали во адѣ; а потому можно его сравнить съ *Плутономъ*. Жершвы ему приносили съ самыми печальными церемоніями и съ страшными заклѣтіями, дабы отворотить отъ себя гнѣвъ его. По симъ двумъ богамъ можно заключить, что Славяне признавали два начала: начало добра въ Бѣлбогѣ, и начало зла въ Чернобогѣ. Нѣкоторые почитаютъ, что Чернобогъ былъ богъ добра, а Бѣлбогъ богъ зла.

Знать во многихъ Славянскихъ городахъ имѣлъ свои храмы; но не былъ изображаемъ въ истуканахъ. Его почитали въ видѣ священнаго неугасимаго огня, приносили жершву ему удѣляя часть отъ добычи у непріятелей захваченной, а иногда и плѣнныхъ Христіянъ. Въ тяжкихъ болѣзняхъ Славяне имѣли къ нему прибѣжище; жрецы именемъ его давали отвѣсы больнымъ объ ихъ выздоровленіи.

У древнихъ Грековъ и Римлянъ мы не находимъ съ подобными свойствами никакого бога. Священнымъ огнемъ можно почестъ Весту или Вулкана; но они имѣли своихъ истукановъ и невидно, что бы

и полились больные о выздоровленіи
своихъ.

Лада по всемъ была похожа на *Кипу* или *Венеру*. Славяне почитали ее
богиню любви и браковъ. Женихъ и не-
веста приносили ей въ жертву пару го-
рохъ, при чемъ жрецъ, прося новобрач-
ныхъ, ниспослать благословеніе, совер-
шалъ обрядъ бракосочетанія. Она имѣла,
какъ и Венера, трехъ молоденькихъ
сыновей *Леля*, *Полеля* и *Дида*. *Лель*
имѣлъ также должности, что *Эротъ* или
Купидъ. *Полель* былъ Славянскій *Гилекей*,
Дида занимала мѣсто *Антерота* божка
вращающаго любовь и во всемъ про-
свѣтлаго двумъ своимъ братьямъ. Какъ са-
ма *Лада*, такъ и сыновья ея почитались
древнѣйшими божествами Славян-
скихъ.

Храмъ *Ладинъ* былъ въ Кіевѣ, а испу-
скалъ онъ неизвѣстно какъ изображался.

Изъ остаткахъ старинныхъ хорова-
ловъ и свадебныхъ пѣсень можно слы-
шать перепорченныя имена какъ *машери*,
и сыновей ея.

Усладъ почитался богомъ удовольствій и пиршествъ и соопвѣтствовалъ, какъ кажется, Греческому *Кому*. Храмъ его былъ въ Кіевѣ, но истуканъ неизвѣстно какъ изображался.

Дажбогъ, онъ же *Дашуба* и *Дажбазъ* это былъ Славянскій *Плутусъ*; ему приносили жертву и просили о низпосланіи щастія и богатства. Храмъ во имя его былъ въ Кіевѣ; изображенія его мы не знаемъ.

Позвиздъ, иначе *Похвистъ*, *Посвистъ* или *Вихрь*, Славянскій *Эоль*, — которому принося жертвы молились объ укрощеніи бурь и ненастья. Кіевляне почитали его вообще богомъ воздуха, ведра и ненастья. Храмъ его былъ въ Кіевѣ и по другимъ городамъ Славянскимъ; изображеніе неизвѣстно.

Но тихаго и приятнаго вѣтра и ясной погоды былъ у Славянъ еще другой богъ или лучше богиня *Догода*, — которая нечто иное изображала, какъ Зефира.

Зимцерла по нѣкоторымъ догадкамъ означала у Славянъ тоже, что у Римлянъ Аврора. Впрочемъ ни храмы, ни

изображенія ея ни жершвоприношенія не
мѣшались.

Коляда по мнѣнію нѣкоторыхъ былъ
Славянскій богъ *мира* и соотвѣстство-
валъ Римскому *Янусу*. Праздникъ его
торжествовали 24 Декабря, который пре-
провождается былъ въ веселіяхъ и пирше-
ствахъ. Храмъ сего бога (а можетъ быть
богини) былъ въ Кіевѣ; объ изображеніи
его ничего знать не лзя.

По нѣкоторымъ мѣстамъ и нынѣ еще
евѣры торжествуютъ день сей почти
съ такими же обрядами, какъ и древ-
ніе. Мнѣ удалось слышать въ дѣйствиѣ
одинъ гимнъ *Колядѣ*, котораго я одно
только начало могу припомнить; вопѣ
оно:

За рѣкою, за быстрою, ой калѣодка!

Лѣса стоятъ дремучіе, ой калѣодка!

Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ, —

Огни горятъ великіе —

Во кругъ огней скамьи стоятъ —

Скамьи стоятъ дубовыя —

На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы —

Добры молодцы, красны дѣвицы —

Поютъ пѣсни Каліодушкѣ. —

Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ; —

Онъ точитъ свой булатной ножъ. —

Возлѣ его козель стоитъ. —

Сіе начало показываетъ самый обрядъ древняго жертвоприношенія.

Нѣкоторые полагаютъ, что въ это же время и послѣ нѣскольکو дней праздновали Славяне богу своему *Турхъ*, — богу всякихъ увеселеній и сладострастія. Туръ былъ у Славянъ тоже, что *Пріалъ* у Римлянъ. Особенное же празднество се-му богу совершаемо было во время нынѣшняго Семика; и въ сіе время выходили оба пола изъ границъ благопристойности.

Нынѣшнія подблюдныя пѣсны и святочные гаданія суть не что иное, какъ остатки обрядовъ при празднествахъ *Коляды* и *Тура* употреблявшихся.

Зѣвина, по словопроизводству слова, кажется должна бы значить богиню сна отъ глагола *зѣвать*. Но ей приписывали древніе Славяне совѣтъ другія свойства: ее почитали богинею лѣсовъ и роцъ, и молились ей о щастливомъ звѣроловствѣ.

По сему она будетъ соответствовать Греческой Артемидѣ или Діанѣ.

Дидилія имѣла свойства Римской Юноны; ей Славянскія неплодныя женщины приносили жертвы, и просили ее о дарованіи дѣтей. Имя ея кажется происходитъ отъ двухъ имянъ — *Дида* и *Леля*, что сходно съ ея должностію: ибо она, даруя дѣтей пѣмъ неплоднымъ женамъ, примиряетъ *Леля* съ братомъ его *Дидомъ*. Нѣкоторыя смѣшиваютъ ее съ *Ладою* богинею любви; а нѣкоторыя ходошайницею женъ неплодныхъ и родильницъ почитаютъ богиню *Макошу*.

Марцану или *Мерцану* нѣкоторые Славяне почитали богиню жатвы; и слѣдовательно она у Славянъ заступала мѣсто *Деметры* или *Цереры*.

Сѣва или *Сѣба* богиня Славянъ Варажскихъ. Истуканъ ея представлялся въ видѣ нагой женщины, у которой волосы позади висѣли до подколѣнокъ. Въ правой рукѣ держала она яблоко, а въ лѣвой виноградную кисть. По симъ признакамъ можно бы догадываться, что

это была богиня плодовъ и соотвѣтствовала Римской *Поллонѣ*.

Хорсѣ или *Корша* богъ войны, и какъ кажется происходитъ отъ испорченнаго слова *Fors*. Нѣкоторые производятъ сѣе слово отъ глагола *Корчить*, — и поному почитаютъ его богомъ лѣкарствъ или Славянскимъ Эскулапіемъ; но сѣе не сообразно съ словопроизводствомъ: ибо кто корчитъ, тотъ не лѣчитъ.

Радегастѣ или *Родаистѣ* былъ въ великомъ почтеніи у Варяговъ, Вендовъ, вѣроятно и у Славянъ. Истуканъ его изображался слѣдующимъ образомъ: на груди щитъ съ изображеніемъ воловѣй головы, въ лѣвой рукѣ копье, на головѣ шлемъ, а на шлемѣ пѣтухъ съ разпростертыми крыльями. Это похоже нѣсколько на изображеніе *Минервы*; но *Радегастѣ* не почитался богомъ войны и наукъ, а защитниковъ городовъ.

Тѣже самые Варяги имѣли въ почтеніи бога *Прона*, или *Прове*, — котораго истуканъ ставили на высокомъ дубѣ, а около его до тысячи и болѣе другихъ маленькихъ идоловъ. Что значить *Пронѣ*,

и въ какихъ случаяхъ ему поклонялись, ощущается закрытымъ. Мнѣ кажется его надобно почитать или покровителемъ монархическаго правленія, или наставникомъ дѣтей.

Чуръ богъ Славянскій и почитался хранителемъ полей, пашень и межей или границъ между ними лежащихъ. Его можно сравнивать съ Римскимъ *Терминомъ*.

Почтеніе къ сему богу еще не совсемъ вывелось изъ Россіи. Нѣкоторые и нынѣ употребляютъ имя чура, — когда хотѣтъ кому запретить, чтобъ далѣе не ходилъ: *чуръ далѣе не ходитъ!* Часто, чтобъ не смѣлъ приступить нечистый духъ, простые люди вмѣсто молитвы говорятъ: *чуръ меня!* Деревенскія дѣти играя въ гулючки употребляютъ просто *чуръ!* шуль это слово значить: *остановись*.

Царь морской почитался у Славянъ обладателемъ морей, озеръ, рѣкъ и вообще всѣхъ водъ. Онъ нечто иное, какъ *Нептунъ*. Славяне думали, что онъ на днѣ моря имѣлъ хрустальный домъ и подначальныхъ себѣ боговъ; изъ которыхъ извѣ-

стнѣйшій былъ *Чудо морское* похожее на *Тхилсновъ*.

Нй пчитался у Славянъ богомъ подземнымъ, богомъ душъ умершихъ; онъ означалъ тоже, что у Грековъ *Плутонъ*. Какъ ему жершвовали и какъ его изображали — мы не имѣемъ никакого извѣстiя. Вѣроятно что у Славянъ было много такихъ божествъ, которыхъ они никакъ не изображали — можетъ быть по незнанiю искусства въ изображенiяхъ.

Похожая на *Прозерлину* или *Гекату* была у Славянъ богиня *Триглава* или *Тригла*; испуканъ ея всегда изображался съ тремя головами, которыя можетъ быть означали широкую ея власть: на небесахъ, на землѣ и во адѣ.

Храмъ ея былъ неподалеку отъ Кіева на полѣ; можетъ быть тамъ было кладбище древнихъ Славянъ Кіевскихъ.

Ив. Срезневскій.

(Продолженiе впредъ.)

*Дополненіе къ статьѣ: Краткое на-
черпаніе теоріи подражательной
Гармоніи слова.*

(Укр. Вѣст. кн. 1. 2.)

Слѣдующее новое изложеніе системы гласныхъ и согласныхъ, надѣюсь, будетъ удовлетворительнѣе нежели первое, коего недоставки я чувствовалъ въ полной мѣрѣ; но не могъ легко исправить, будучи шакъ сказать одинъ въ такой отвлеченной области и при столь ограниченнѣхъ способахъ.

Теперь даю основнымъ частямъ слова новое раздѣленіе; подкрѣпляю сужденія и положенія свои изслѣдованіями двухъ авторовъ преимущественно занимавшихъ разсматриваніемъ устройства орудій произношенія. Хотя сїи писатели имѣли въ виду со всемъ не то, что я ш. е. одинъ составленіе *говорной машины*, другой открытіе *первобытнаго языка*; но я могу воспользоваться ихъ наблюденіями и замѣчаніями, примѣняя все сказанное ими о составныхъ частяхъ слова къ

своему предмету и дѣлая при томъ гдѣ нужно свои прибавленія.

Всякой увидишь, что и сей опытъ слишкомъ еще недостаточенъ; надобно будетъ сдѣлать новыя усилія, чтобы сказать что нибудь вѣрное по сей части. Сколь ни трудны и ни скучны подобныя занятія; но я чувствую, что можно дойти до изложенія постоянныхъ правилъ подражательной Гармоніи, и это одно удерживаетъ меня на семъ поприщѣ: ожидаю при томъ, что истинные любители и знашoki словесности не откажутся содѣйствовать мнѣ какъ своимъ примѣромъ, такъ и наблюденіями.

Если я сколько нибудь могу понимать Виргилія и другихъ классическихъ стихотворцевъ, т. е. не одинъ только смыслъ ихъ, но также и намѣренія въ отношеніи къ подражательной гармоніи; (въ чемъ увѣрюсь болѣе, когда мои замѣчанія на переводъ Георгикъ Русскими гекзаметрами признаны будутъ отъ искусныхъ въ этомъ людей за справедливыя) — то всемъ эшимъ обязанъ я наблюденіямъ своимъ надъ образованіемъ основныхъ частей слова и понятію, которое со-

ставилъ я себѣ о подражательной гармоніи. Разборъ Рускаго перевода Георгіи пусть послужитъ яснымъ доказательствомъ неложности сего понятія: онъ покажетъ очень хорошо, — что хотя-бы Виргилій, не вникая такъ подробно въ составъ слова, водимый однимъ только чувствомъ писалъ свои совершенные стихи; но все не худо бы переводчику вникать во все отношенія языка и стараться понять каждое nambrénie автора.

Кемпеленско раздѣленіе гласныхъ.

Кемпеленъ (*) сочинитель книги *Mécanisme de la parole, suivi de la description*

(*) Кемпеленъ разобралъ какъ строеніе орудій произношенія, такъ и самое образованіе словъ подробнѣе нежели всѣ его предшественники упражнявшіеся въ этомъ родѣ; но онъ принаравливалъ наблюденія свои къ говорной машинѣ со-всѣмъ не имѣвъ въ виду нѣхъ отношеній, на коихъ желательнѣе мнѣ обратишь особенное вниманіе любителей поэзіи. Не думаю, что бы удалось ему его предпріятіе: попому что уже и не слышно болѣе о сей машинѣ; но не смотря на то онъ много сдѣлалъ полезныхъ замѣчаній, которыми гармонисты конечно не откажутся воспользоваться и дасть имъ настоящую цѣну — употребивъ при разложеніи классическихъ ошдѣланныхъ стиховъ и гармонической прозы.

d' une machine parlante (Vienne 1791.) дѣлать простыя и составныя гласныя слѣдующимъ образомъ, ограничивая ихъ числомъ двѣнадцати:

1. А Латинское или обыкновенное.
2. а (aa) Нѣмецкое, большей объятности, нежели Латинское.
3. а Венгерское и Аглинское еще большей объятности, нежели оба предыдущія.
4. Е Всеобщее (обыкновенное)
5. é Французское въ *vérité* и Венгерское съ удареніемъ.
6. ae (э) Нѣмецкое и открытое Французское.
7. I Всеобщее (обыкновенное).
8. О Нѣмецкое и *ai* Французское.
9. о Латинское и обыкновенное Французское.
10. oe Нѣмецкое и *ei* Французское.
11. U Нѣмецкое, *ui* Французское и *oo* Аглинское.
12. Ü Нѣмецкое, *u* древнее Греческое и *u* Французское.

Естьли есть еще, продолжаетъ Г. Кемпелень, какіе нибудь звуки средніе

между ними или ихъ отличенія; по раз-
ница между ними должна быть почти
почувствительна для Европейскаго слуха
и они такъ маловажны, что не заслужи-
ваютъ особенныхъ отличительныхъ зна-
ковъ.

Сии двѣнадцать гласныхъ означенныя
здесь цифрами идутъ въ слѣдующемъ по-
рядкѣ, относительно *отверстій рта и*
углублений канала образуемаго при выго-
ворѣ изъ *языколы*, начиная съ самаго ма-
лага *отверстія* и возходя постепенно до
самаго *большаго*.

	Отверстіе язычнаго канала.		Отверстіе р п а.		
малѣйшее отверстіе	7.	I .	11.	U	имѣютъ
	12.	Ü .	12.	ü	
	5.	é .	8.	O	равное
	4.	E .	10.	oe	
	10.	oe .	7.	I	отверстіе.
	8.	a .	5.	é	
	2.	a .	4.	E	
	1.	A .	9.	o	
	6.	ae .	3.	a	
	8.	O .	2.	a	
Самое большое.	9.	o .	1.	A	
	11.	U .	9.	ae	

Кемпеленъ имѣлъ въ виду составленіе говорной машины, которою при всемъ возможномъ искусствѣ конечно нельзя было бы такъ управлять, какъ человѣку истинными своими орудіями слова. Опшѣненія гласныхъ имъ приводимыхъ дѣйствительно существующія какъ въ другихъ языкахъ, такъ и въ нѣкоторыхъ изъ означенныхъ имъ, кажется мнѣ, для того только онъ считалъ маловажными, что ихъ нельзя было произвести въ дѣйство его машиною. Я не занимаюсь составленіемъ подобной машины; но примѣняясь къ гармоническому ходу рѣчи желалъ бы опредѣлить со всею точностію не только каждую гласную и согласную изъ основныхъ, но и малѣйшія ихъ опшѣненія: а потому почишаю нужнымъ дополнить сію таблицу.

Не будетъ излишнимъ, если при-
бавлю къ выше приведеннымъ гласнымъ
слѣдующія пять, какъ важнѣйшія :

ы наше Руское и Польское у

ѣ наше и Польское ie

я наше и Польское ia

ю наше и Польское io

ю наше и Польское iu

Легко можно согласиться, что сїи два послѣднія въ отношеніи къ ихъ обь-
ясненности можно принять почти за одно
съ Французскими и Нѣмецкими *oe* и *eu*, и
и *iu*; но разница въ произношеніи весьма
ощущительна. Что же касается до наше-
го *ы* или Польскаго *у*, оно совсѣмъ не
похоже ни на одну изъ приведенныхъ
Кемпеленемъ гласныхъ; болѣе всего сход-
ствуетъ буква сїя съ Французскимъ от-
крытымъ *e*, но и то развѣ по дебелости
звуча, а въ образованіи ихъ видно боль-
шее несоходство.

Кемпеленъ не упомянулъ также о
безгласномъ *e* Французовъ; но оно отно-
сительно подражательной гармоніи безъ
сомнѣнія заслуживаетъ во многихъ слу-
чаяхъ особенное вниманіе равно какъ и
Руское *й*.

Слѣдующее представленіе гласныхъ
кажется мнѣ болѣе удовлетворительнымъ:

- а Лапинское или обыкновенное.
- * а (аа) Нѣмецкое.
- ** А Самаго большаго объема, Аглин-
ское и Венгерское.

'е Безгласное Французское.

eu Французское и oe Нѣмецкое.

io Руское и Польское io

o Латинское, Французское обыкновенное.

*o (oo) Нѣмецкое, au Французское, io Италіяяское.

• Закрытое Французское (é)

• Закрытое' долгое (ée, és, ées)

• Обыкновенное во всѣхъ языкахъ и
!(Франц. e ouvert commun) (ai)

• Открытое Французское короткое
(et, ait.) |

• Открытое Французское долгое (ais,
aie, aient, ès)

yl Наше Руское и Польское y

и Руское y Нѣмецкое u, Французское
ou, Аглинское oo.

io Руское и Польское iu.

• Французское, Нѣмецкое ii

i долгое Нѣмецкое (ie), Французское ie, ie.

i обыкновенное.

й Крапкое Руское. Нѣмецкое въ (ay)
Польское въ ay, ou, oi, ey.

Примѣч. Всякая гласная безъ ударенія
не имѣеть полного своего звука; хотя

по образованію и самому даже выговору, въ сравненіи съ другими также коропки-ми, отличается довольно явственно.

По сему предшавленію гласныхъ со-ставлена мною слѣдующая таблица на подобіе Кемпеленовой сдѣланная, заклю-чающая въ себѣ самое большое количество гласныхъ взятыхъ изъ разныхъ Европей-скихъ языковъ.

*Сравнительная таблица объятности
гласныхъ, измѣряемой*

а) Ошверстіемъ
язычного канала

самыя малыя	й	.	.
	i	.	.
	ü	.	.
	e muet	.	.
	eu	.	.
	id.	.	.
среднія	ю	.	.
	é, éc, ées	.	.
	ы	.	.
самыя большія	и	.	.
	а	.	.
	et, ai, aient (ae)	.	.
	o	.	.
	oo	.	.
	U	.	.

б) Ошверстіемъ
р т а

самыя малыя	U (ou)
	ü
	ю
	oo
	o
	e muet
среднія	eu, i, é, és, ées
	ѣ
	я
сам. бол.	ы
	а
	a*
	ae, ais, aient

Сія таблица можеть принести большую пользу при объясненіи удачнаго дѣйствія многихъ чертъ и особенно изображающихъ различную обаятность массы предмѣтовъ и разстоянія ихъ одного отъ другаго.

Чтобы это яснѣе представить, я приведу нѣсколько примѣровъ.

Въ слѣдующихъ стихахъ взятыхъ изъ Виргилія изображена а) *тѣснота* :

Circumstant fremitu denso, stipantque frequentes.

Concurrunt, haeret pede pes, densusque viro
vir.

б) *густота*:

Et densissimus imber.

в) *ураженіе*:

Et pede terram crebra ferit.

Fundunt simul undique tela

Crebra nivis ritu.

Exercetque frequens tellurem.

Quique frequens herbis et fertilis ubero
campus.

Uni odiisque viro telisque frequentibus
instant

Во всѣхъ сихъ изображеніяхъ поелику

предмѣты и дѣйствія представляются близкими одни къ другимъ, слѣдственно и самое выраженіе ихъ должно быть сжато; а сіе иначе можешь быть какъ чрезъ употребленіе гласныхъ малой обьятности, (разумѣя при томъ что согласныя должны также отвѣтствовать): по сей причинѣ мы находимъ здѣсь преимущественно употребленными гласныя произносимыя малымъ отверстіемъ рина, и, і, е.

Чтобы еще болѣе убѣдиться въ справедливости сказаннаго, возьмемъ противоположныя примѣры. Мы видѣли, что для изображенія густоты, тѣсноты и учащенія особенно способствовали гласныя малаго обьема; слѣдовательно для представленія противнаго всему этому потребны и гласныя противнаго перваго свойства, т. е. большаго обьема.

Примѣры подтверждающъ это:

Lumina rara micant.

Aspice, ut antrum

Sylvestris raris sparsit labrusca racemis.

Apparent rari nantes in gurgite vasto.

Горацийевъ:

Manat rara meas lacrima per genas.

Всѣ сїи стихи равно какъ и предыдущіе не показываютъ ли самымъ яснымъ образомъ различїя въ свойствахъ гласныхъ? И нѣтъ ничего естественнѣе, какъ подобное примѣненіе ихъ къ изображенію предмѣтовъ во взаимномъ сихъ отношеніи. Ибо когда я представляю себѣ *тѣсноту*; то предмѣты въ воображеніи моемъ сближаются и оставляютъ весьма малое пространство между собою. Не похоже ли должно быть и въ словахъ изображающихъ *тѣсноту*? Но гласныя принимаются за основу *рѣчи*, а согласныя облекаютъ ихъ собою; слѣдовательно при изображеніи густоты, *тѣсноты* и учащенія основные звуки должны быть *тонѣе*; дабы согласныя, кои преимущественно содѣйствуютъ къ изображенію качества предметовъ, были одна къ другой ближе и такъ сказать спланивались. Напротивъ для представленія предмѣтовъ одинъ отъ другаго отдаленныхъ, разрѣженія и т. п., безъ сомнѣнія потребны основные звуки большаго объема. Въ первомъ случаѣ *і, е, и*; во второмъ *а* преимущественно употреб-

ленные всего яснѣе представляютъ намъ справедливость сказаннаго.

Жебеленево раздѣленіе гласныхъ.

„Поелику отверстіе рта способно принимать великое число постепенностей; то по всей необходимости должно находиться и весьма большое количество звуковъ. Но всѣ сїи звуки можно привести въ малое число основныхъ, которые соединяясь между собою октаву взятую въ природѣ; поелику голосовое орудіе въ отношеніи къ простому голосу есть истинная флейша и поелику всѣ роды гармоніи заключаются въ октавѣ.

„Голосъ въ самомъ дѣлѣ одною только формою разнился отъ пѣнїя; итакъ онъ долженъ представлять намъ точно такіяже дѣленїя, какія мы видимъ въ семь послѣднемъ; и въ немъ надобно искать подобныхъ постепенностей. Прибавлю еще, всякой звукъ способенъ выдерживать октаву; почему необходимо надобно, чтобы въ сей октавѣ заключались всѣ другіе звуки, кои слѣдственно составляли бы сїю октаву вполне. Итакъ она будетъ состо-

ятъ изъ *семи* основныхъ гласныхъ, такъ какъ музыкальная октава составлена изъ *семи* тоновъ.

„Но прежде нежели изчислимъ сїи звуки, замѣтимъ что ротъ: по мѣрѣ того, какъ его отверстіе увеличивается, изгибается на свою внутреннюю оконечность и каналъ отъ того происходящій сокращается какъ можно болѣе. Напротивъ, чѣмъ ротъ болѣе закрывается, тѣмъ болѣе вѣшняя оконечность удаляется отъ внутренней; такъ что каналъ при томъ образуемый дѣлается какъ только вѣроятно длиннымъ. Сїю октаву звуковъ можно сравнить съ рядомъ флейтъ положенныхъ одна на другую и которыя бы шли, постепенно сокращаясь, до самой высокой, которая была бы самая короткая изъ всѣхъ: точно такова была флейта о семи отверстіяхъ, которую древнїе дали Пану или Вселенной въ лицѣ его изображавшейся.

„Замѣтимъ еще, что чѣмъ флейта короче, тѣмъ звукъ ея бываетъ острѣе (свѣтлѣе); между тѣмъ какъ онъ дѣлается обаяннымъ (тяжелымъ) и глухимъ (пу-

нымъ) соотвѣстственно тому какъ она длиннѣе.

„Итакъ по необходимости въ головномъ инструментѣ должны находиться семь звуковъ, которые различаются между собою подобно семи тонамъ музыки; и изъ коихъ самый высокій долженъ произноситься самымъ какъ только можно большимъ отверстiемъ рта, а самый низкій самымъ малымъ какъ только можно отверстiемъ; одинъ произносится ртомъ образующимъ наименѣе длинный каналъ, а другой ртомъ образующимъ каналъ сколько возможно длинный; въ первомъ случаѣ ротъ подается назадъ, во второмъ выдается впередъ.

„Ротъ, открываясь и изгибаясь на самого себя какъ можно болѣе, производитъ звукъ А; но открытый какъ можно менѣе, имѣя свою самую большую длину, образуетъ U. Итакъ А занимаетъ верхнее мѣсто въ голосовой октавѣ, а U нижнее. Всѣ прочіе звуки должны находиться между сими двумя, т. е. всѣ они должны быть ниже А и выше U.

„На среднемъ разстоянїи между самымъ высокимъ и самымъ низкимъ изъ сихъ звуковъ находится Е; сей звукъ слышенъ бываетъ когда ротъ, произнесши А, закрывается до половины. Ниже Е находится І, еще ниже О, потомъ У, наконецъ ОУ (У).

„Вотъ шесть звуковъ; теперъ остается найти седьмой. Мы сказали, что ротъ произнесши А закрывается до половины, дабы произнести Е; итакъ въ семь пространствъ должно искать намъ седьмой звукъ: онъ долженъ быть менѣе открытъ, нежели А и болѣе нежели Е; и поелику ему надобно пробѣгать большое пространство, то и долженъ онъ находиться, смотря по свойству народовъ, то ближе къ А, то ближе къ Е. Итакъ сія гласная у Французовъ есть ихъ Е самое открытое, у Румлянъ АЕ, у Грековъ Е долгое и 7.“

Вотъ мысли Жебелена о гласныхъ; справедливыли онѣ и можно ли сдѣлать изъ нихъ какое нибудь употребленіе? Еслии я долженъ сказать свое мнѣніе; то оно будетъ не иначе, какъ въ пользу

того Автора: потому что онъ основанъ на самой природѣ звуковъ, что убѣдительнѣе всѣхъ доказательствъ. Но я приведу одинъ примѣръ изъ Тасса, по которому, мнѣ кажется, можно болѣе заключить о справедливости его мнѣнiя.

Тассъ, представляя Армиду умоляющую Ринальда, сравниваетъ ее съ искуснымъ пѣвцомъ, который прежде нежели дойдешь до громкихъ тоновъ приговариваетъ къ тому мало по малу слушателей своимъ тихими и слабыми звуками.

„Подобно искусному пѣвцу, который прежде нежели во всей полнотѣ разкроетъ свой громкiй, очаровательный органъ, къ гармонiи своей пѣсни приготавливаетъ души слушателей тихими и слабыми звуками, — Армида забываетъ свою горечь; но помня искусство и свой роковый даръ она начинаетъ жалобу тихими вздохами, думая расположить сердце умоляемаго ею къ принятiю впечатлѣнiй нѣжнаго голоса.“

(Прим. Звѣздочки идущія въ равномъ отстоя-
нїи показываютъ низкіе тоны, сближающіеся озна-
чаютъ высшіе, наконецъ сближенные показываютъ
самую высшую степень голоса и обратно.)

* * * * *

Qual' musico gentil prima che chiara

* * * * *

Altamente la lingua al canto snodi

* * *

All' armonia gli animi altrui prepara

* * *

Con dolce ricercate in bassi modi;

* * * * *

Così costei che nella doglia amara

* * * * *

Già tutte non obblia l'arti e le frodi;

* * *

Fa di sospir breve concento in prima

* * *

Per dispor l'alma in cui le voci imprima
Сїя строфа раздѣлена на двѣ равныя по-
ловины, и сравненіе въ отношеніи къ под-
ражательной гармоніи выдержано въ пол-
ной мѣрѣ. Я разберу стихи сїи нѣсколько
подробнѣе; хотя и безъ того всякой ви-
дитъ, что они говорятъ въ пользу Же-
белена.

Qual' musico умягченно и слабо; *gentil'* и несколько сильнѣе; слово *prima* сгущаетъ и усиливаетъ звукъ, который въ *che chiara altamente la lingua al canto snodi* восходитъ до самой большой высоты, особенно въ *che chiara altamente*; и путь, какъ въ индийце, преимущественно употреблена гласная *a*; слѣдующее за сими *la lingua al canto snodi* чистотою и свѣтлостію своихъ звуковъ поддерживаетъ дѣйствіе вводящаго; но сей стихъ

All' armonia gli animi altrui prepara сгущается и примѣнно понижается; сѣе пониженіе и слабость еще болѣе ощущительны въ *con dolci ricercati in bassi modi*, которымъ оканчивается сравненіе: начинается вторая часть, и также какъ предыдущая слабыми или умягченными звуками въ *così costei che* усиливается въ *nella foglia amara*. Già и это высшая степень, tutte non obblia l'arti e le fodi поддерживаетъ предыдущее; но *fà di sospir breve contento* в *prima* примѣнно понижается, что еще ощущительнѣе въ *Per dispor l'alma in cui le voci imprima*, чѣмъ и оканчивается.

Искусство Тассово въ семь случаѣ чрезвычайно. Конечно Виргилій на своемъ языкѣ и своимъ размѣромъ можетъ быть еще удачнѣе представилъ бы такую постепенность; но всякой знаетъ, сколько надобно преодолѣть препятствій при составленіи Италіанской осьмистишной строфы (*ottava rima*); т. е. кромѣ числа слоговъ, кромѣ рифмъ вообще нѣсколько затрудняющихъ натуральный ходъ стиховъ, Тассу надобно было еще сдѣлать, шакъ, чтобы все это помѣстилось въ восьми стихахъ, которые при томъ оканчивались бы только на три рифмы.

Представляя себѣ всѣ сіи затрудненія, можноли потребовать отъ стихотворца, чтобы онъ возхожденіе, и низхожденіе звуковъ изобразилъ намъ со всею точностію музыканта? Слухъ нашъ, при чтеніи стиховъ и шѣмъ уже остается доволенъ, еслии открываетъ какую нибудь постепенность или нѣкошорое сходство въ выборѣ и разположеніи словъ и слоговъ относительно къ самому предмету. И надобно замѣтить вообще, что выраженіе, которое не бываетъ чистою омон-

жизнелюбю, тогда только намъ удовле-
творяешь, когда ухо наше находитъ нѣ-
которое хотя отдаленное сходство зву-
ковъ съ какимъ нибудь качествомъ пред-
мета, ими звуками изображаемого.

Третье раздѣленіе гласныхъ.

Объ предыдущія таблицы заключаютъ
въ себѣ, какъ мы видѣли, очень много спра-
ведливаго; но я нахожу еще другія отно-
шенія гласныхъ есть видоизмѣненія каждой
изъ низъ зависящія уже не отъ степени
въ возбужденной звонкости; но отъ дѣйствія
огласной, съ которою она бываетъ сое-
динена. Иначе на примѣръ, говоря о пре-
дыдущей строкѣ, сказали бы мы: по че-
му нѣкоторыя слова, въ которыхъ также
употреблено *a*, отнесены мною къ низ-
кимъ звукамъ, такъ на пр. *Qual* и другія?
Для сего нужнымъ считаю прибавить
третью таблицу мною самимъ состав-
ленную. Въ ней представлена каждая изъ
основныхъ гласныхъ въ новой постепен-
ности, начиная отъ согласныхъ образую-
щихся въ передней оконечности рта и въ
порядкѣ идущихъ до согласныхъ образу-

ющихся въ самой внутренней окончности; или иначе сказать, начиная съ самыхъ низкихъ до самыхъ высокихъ слоговъ.

Сею таблицею заключу мое разсужденіе о гласныхъ; и это пусть будетъ переходомъ къ согласнымъ, которыхъ намѣренъ я также разобрать сколько можно подробнѣе: тогда еще, буду имѣть случай сдѣлать многія замѣчанія, которыя не привожу теперь, дабы избѣжать сколько можно повтореній.

Примѣчаніе. Я преимущественно употребилъ здѣсь слѣдующія пять гласныхъ а, е, і, о, и; кромѣ того, что ихъ можно представлять себѣ какъ основные звуки нашей рѣчи, онѣ еще и то имѣютъ предъ другими превосходство: что встрѣчаются во всѣхъ языкахъ несравненно чаще, нежели всѣ прочія, которые вообще принимаются только за ихъ видоизмѣненія. Равнымъ образомъ и согласныя здѣсь не всѣ, имѣя слѣдующихъ ж, ш, ч, щ, ц; ихъ тоже можно принять за видоизмѣненія другихъ согласныхъ: и потому о нихъ буду говорить подробнѣе въ разсужденіи, которое за симъ послѣдуетъ.

Таблица представляющая каждую основную гласную въ соединеніи съ каждою согласною, начиная отъ самыхъ глухихъ до самыхъ открытыхъ слоговъ.

А.	Е.	І.	О.	У. (OU)
АМ	ЕМ	ІМ	ОМ	УМ
АВ	ЕВ	ІВ	ОВ	УВ
АП	ЕП	ІП	ОП	УП
АВ	ЕВ	ІВ	ОВ	УВ
АФ	ЕФ	ІФ	ОФ	УФ
АЗ	ЕЗ	ІЗ	ОЗ	УЗ
АС	ЕС	ІС	ОС	УС
АН	ЕН	ІН	ОН	УН
АД	ЕД	ІД	ОД	УД
АТ	ЕТ	ІТ	ОТ	УТ
АЛ	ЕЛ	ІЛ	ОЛ	УЛ
АР	ЕР	ІР	ОР	УР
АГ	ЕГ	ІГ	ОГ	ОУГ
АК	ЕК	ІК	ОК	УК
АХ (ch)	ЕХ	ІХ	ОХ	УХ

Если же мы сию самую таблицу представимъ себѣ на оборотѣ, т. е. въ такомъ видѣ:

МА	МЕ	МІ	МО	МУ
БА	БЕ	БИ	БО	БУ и пр.;

по свойства слоговъ измѣняются такимъ образомъ: въ первомъ случаѣ преимуществовали гласныя, а въ семъ послѣднемъ согласныя, такъ что поstepенность объема слоговъ идетъ почти на оборотъ. Не всякой ли, на примѣръ, чувствуетъ разницу между IX и XI? Въ первомъ случаѣ гласная сама по себѣ тонкая, такъ сказать, расширяется въ X; а въ другомъ самое X суживается и сжимается, дабы отличить отъ предшествовавшей гласную II и III д.

А чтобы показать примѣромъ, сколько каждая гласная и согласная, по натурѣ своей звонкія, теряютъ одинъ отъ соединенія съ согласными, а другія съ гласными противнаго качества; довольно будетъ привести слѣдующіе два стиха изъ Тасса:

Quante mormorò mai profane note

Tessala maga con la bocca immonda.

„Подобно Тессалійской волшебницѣ своимъ нечистымъ ртомъ нашептывавшей ужасныя слова.,

Здѣсь преимуществуютъ, какъ всякой видишь, гласныя *a* и *o*, способныя болѣе прочихъ выражать звонкость и свѣтъ.

ловны; но согласныя, съ коими онѣ соединены, образуясь по большой части на *жившей* окончности рта и внутри онаго, накрываяющъ ротъ и выговоръ сихъ гласныхъ дѣлающъ глухимъ, что нужно для изображенія *нашелтыванія*: таково дѣйствіе согласныхъ *m, b, p, f*; а *mѣ*, кои содѣйствуютъ къ выраженію звонкости, умалчивъ какъ на примѣръ *q* въ *quante*, чрезъ *n*, или по малому количеству своему и не имѣя полного ударенія на себѣ (да, еа, ёа) шаряюща между другими, или (какъ *te, te, te*) соединяются съ гласными малого объема.

П р и б а в л е н і е.

Говоря о гласныхъ и согласныхъ я употребляю слова *объемъ* и *объятность* (на примѣръ: *a* и *m* имѣютъ большой *объемъ*, *i* и *e* малый *объемъ* и ш. д.: слогъ *tag* по *объятности* своей менѣе слога *gam* и ш. д.). Нѣкоторые удивились сему, конечно очень новому для нихъ выраженію; но не менѣе должно быть странно самое ихъ удивленіе для тѣхъ, которые не въ первый разъ узнаютъ объ этомъ. Я пожелалъ

знать, чѣмъ бы замѣнить сіи слова; но мнѣ никто не сказалъ ничего. Чшожь дѣлать въ такомъ случаѣ? Если бы не было особеннаго понятія о различіи свойствъ отличающихъ каждую гласную и согласную; то безъ сомнѣнія оба сіи слова были бы даже совершенно лишними: но разность между физическими качествами буквъ существуетъ, каждая изъ нихъ дѣйствительно имѣетъ свою собственную обаятельность, различныя степени, кои въ отношеніи къ своимъ однороднымъ такъ какъ и разнороднымъ конечно не для всѣхъ равно ощутительны; но ихъ чувствуетъ тонкій слухъ всякаго образованнаго человѣка; иностранцы вообще увѣрены въ ея бытіи, и на пр. Французы называютъ это *volunte*. Чшожь намъ остается дѣлать? Или отвергнуть различіе гласныхъ и согласныхъ касательно ихъ физическихъ свойствъ: но и самый упрямый спорщикъ не согласится показать свое невѣденіе до такой степени; или допустить сіе понятіе, но въ такомъ случаѣ надобно его какъ нибудь назвать. Я на первый случай не нашелъ другихъ словъ,

кромѣ объема и объятности, въ ожиданіи
пока кто нибудь другой приищеть лучшее
названіе.

Гонорскій

(Продолженіе влредь.)

Нѣчто о переводѣ *Виргиліевыхъ*
Георикъ Рускими гекзаметрами.

(Продолженіе.)

Между изображеніями Виргилія, пре-
имуущественно дѣйствующими на слухъ,
можно помѣстить также и слѣдующее
мѣсто гдѣ описывается Вулканова кузница:

Ac veluti lentis Cyclopes fulmina massis
Cum properant, alii taurinis follibus auras
Accipiunt redduntque, alii stridentia tingunt
Aera laeu; gemit impositis incudibus Aetna:
Illi inter sese magna vi brachia tollunt
In numerum, versantque tenaci forcipe ferrum.

(Georg. L. IV. v. 170 — 176.)

Я ~~и~~мѣль уже случай разобратъ сіи
стихи довольно подробно. (Укр. Вѣст.
кн. 2. стр. 147—151) Мнѣ желательнѣе бы-
ло видѣть, какъ перевелъ бы сіе мѣсто

Г. Воейковъ; и я нашель переводъ въ 4 кн. Вѣстника Европы нынѣшняго года.

Прежде нежели займусь переводомъ, между прочимъ замѣчу: что сей же опрывокъ, съ небольшою только перемѣною и выключая два первые стиха, повторень Виргиліемъ въ другомъ мѣстѣ, имянно въ VIII книгѣ Енеиды при описаніи работы Циклоповъ, — когда Вулканъ по прозвбѣ Венеры гошовиль оружіе для Енея, которое и доставлено было ему самою Вестерою передъ Эпрусскимъ станомъ:

— — — — alii *ventosis* *follibus* *auras*
Accipiunt redduntque, alii stridentia tingunt
Aera lacu; gemit impositis incudibus *an-*
trum:

Illi inter sese *multa* vi brachia tollunt
In numeram, versantque tenaci forcipe *mas-*
sam (*)

(*) Делиль въ своихъ Примѣчаніяхъ на Виргилія, приводя послѣдніе два стиха въ примѣръ удачнаго изображенія противоположныхъ дѣйствій Циклоповъ бьющихъ молотами и поворачивающихъ щипцами, преимущественно употребилъ стихи изъ сего втораго описанія:

Изъ сего опривка, сколько мнѣ извѣ-
стно, были приводимы только два послѣд-

Illi inter sese multa vi brachia tollunt

In numerum, versantque tenaci forcipe massam.

Почему онъ предпочелъ *multa* слову *magna*?
далѣе *massam* слову *ferrum*? Есть ли значи-
тельная разность въ объѣмности между сло-
гами MAG и MUL?

Я уже замѣнилъ прежде, что гласная тогда
только имѣетъ полную свою силу, когда она
долгая; но и шумъ объѣмъ ея, а вмѣстѣ съ
сими ея звонкость и другія качества увеличи-
вающея или уменьшающея смотря потому, съ
какою согласною она соединяется.

При произношеніи слоговъ GA, KA, гласная
A имѣетъ всю свою силу: потому что она про-
износится совершенно открытымъ ртомъ; меж-
ду нѣтъ какъ согласныя G и K, образуясь въ
гортани поддерживающъ благоприятное для вы-
говора гласной A положеніе орудій. Сравнимъ
теперь съ сими слогами другіе на примѣръ
VA, PA, въ такомъ случаѣ слогъ IK, хотя
гласная I имѣетъ самую малую объѣмность,
бывающъ болѣе объемнымъ нежели оба предыдущіе.

Латинскій слогъ MAG (MAK) есть самый боль-
шій изъ требуемыхъ слоговъ сего языка. Но онъ
былъ бы второспешеннымъ, если бы Римля-
не имѣли слогъ MACH. И вошь, мнѣ кажеш-
ся, причина, почему Кур-де-Жебелень, который

нѣ стиха какъ примѣръ удачной пропигуположности; но онъ весь въ цѣлости

не смотря на всѣ его спрранности приготавливалъ истинное сокровище для гармонистовъ, полагаешь его въ числѣ слоговъ, означающихъ великость. Онъ совершенно съ другой стороны смотрѣлъ на образованіе слоговъ имѣя въ виду открытіе одного всеобщаго и первобытнаго языка. Но если бы онъ примѣнялъ свои положенія и къ піиическому выраженію, которое имѣется болѣе имѣетъ всеобщности, нежели его первобытный языкъ; въ такомъ случаѣ онъ еще несравненно болѣе принесъ бы пользы. Кур-де-Жебеленъ, поставляя слогъ сей въ числѣ означающихъ великость, не сказалъ пому причины (*); я съ своей стороны объяснилъ бы это такимъ образомъ: М, самая объемная буква; попому что голосъ имѣетъ большую полость (всего рта и носа), въ которой раздается, при помѣ касаясь онъ болѣе мягкихъ и толстыхъ частей; между тѣмъ какъ напримѣръ К, имѣющее полость свою проспранство твердыми частями огражденное т. е. небомъ, зубами и языкомъ плотно прижатымъ къ низу, совсемъ другое производитъ дѣйствіе а поему и другія имѣетъ качества нежели М. Ипакъ сія согласная сама по себѣ объемная, соединяясь съ самою большою и самою открытою

(*) *Monde primitif*. Orig. Grecq. 572 p. IX v.

взятый стоитъ большаго вниманія; и Виргилій конечно не употребилъ бы его, естли бы не нашелъ удовлетворительнымъ во всѣхъ гармоническихъ отношеніяхъ. Оговорка его *si parva licet componere*

изъ гласныхъ (А) и поддерживаемою во всемъ ея пространствѣ другою согласною G, производилъ самый волюминозный слогъ; не мы не то уже ощущаемъ, когда сей же самый слогъ представляемъ себѣ обратно GАМ: здѣсь М, выходящее чрезъ носъ, закрываетъ ротъ и поному много уменьшаетъ объянности сихъ буквъ, кои сами по себѣ сполнѣ волюминозны.

Итакъ разница между MAG и MUL весьма ощутительна; особенно когда видимъ, что послѣдній слогъ выговаривается совершенно закрытымъ ртомъ. Его я по другимъ качествамъ нельзя предпочесть слогу МАG; онъ неспрудиѣ произносился сего послѣдняго. Конечно естли мы въ словѣ *magna*, сольемъ *gn* какъ это бываетъ въ произношеніи Французскомъ; въ такомъ случаѣ вся значительность буквъ G теряется и *multa* выигрываетъ. Но такъ ли должно произноситься сей слогъ? И такъ ли выговаривали его сами Римляне?

Касательно словъ *ferrum* и *massam* замѣчу только, что первое удачнѣе поддерживаешь противное поворачиваніе шипцовъ нежели послѣднее.

magnis (коль дозволено сравнивать малыя вещи съ большими. В.) еще не довольно закрываетъ отъ насъ чрезвычайную странность, при сравненіи пчель съ Циклопами, разбиванія желѣза съ составленіемъ соповъ, эха отъ ударовъ молота раздающагося по Эпиѣ съ нечувствительнымъ почти жужжаніемъ пчель въ ульѣ въ то время какъ онѣ производятъ свою работу; но мы забываемъ о такой безпредѣльной разности, чувствуя удачное опличеніе каждой черты: насъ болѣе занимаетъ Виргиліево искусство, нежели сходство и несходство между сими двумя родами работихъ.

Въ самомъ дѣлѣ у Виргилія каждая черта сего описанія выведена самымъ искуснымъ образомъ. Искусство переводчика должно сколько можно близко подойти къ подлиннику, еслии оно не можетъ съ нимъ сравниться; но вообще жалуются на трудность переводить древнихъ, при всей ихъ натуральной простотѣ. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего труднѣе, какъ переводить ихъ стихи въ стихи; но спрашивается теперь: можно ли поз-

идишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлать отступленія, и то что у Автора представлено въ четырехъ стихахъ, представлять въ шести и на оборотъ?

Принявши нашъ обыкновенный размѣръ, можно еще нѣкоторымъ образомъ допустить отступленія перваго рода, т. е. иногда вмѣсто четырехъ употребить пять или шесть стиховъ. Но когда мы древнихъ переводимъ ихъ же размѣромъ; то предполагается, что мы имѣемъ довольно пространства для помѣщенія ихъ картинъ; и пусть какъ и во всякомъ другомъ случаѣ все зависитъ отъ искусства, съ какимъ это отдѣлываютъ. При томъ же не нужно ни сокращать, ни растягивать изображеній автора, и особенно взятыхъ изъ дѣйствительной природы. Ибо предполагается, что онъ столько употребилъ нужныхъ элементовъ (основныхъ частей слова) для каждой черпты, сколько потребно ихъ было для того чтобы удовлетворить слуху. Не пожелалъ ли долженъ сдѣлать и переводчикъ, дабы равнымъ образомъ удовлетворить слуху своего читателя? Слѣдственно не одинаковое ли количество надобно ему взять

красокъ слова и налагашъ ихъ шакъ, какъ это сдѣлано въ подлинникѣ? Въ семь отношеніи на переводчика ландшафтныхъ стихотвореній смотрю я, какъ на вѣрнаго списывателя картинъ настоящей живописи. Дѣло писателя въ первомъ и дѣло живописца въ другомъ случаѣ было *изобразить* предмѣшны предполагаемые для картины, расположишь ихъ и облечь приличнымъ образомъ: дѣло переводчика и списывателя картины состоишь въ томъ, что бы удержать расположеніе и облеченіе шакъ какъ они находящіяся въ подлинникахъ, угадывая при томъ каждое намѣреніе автора.

Допустивши положеніе, чтобы *древнихъ переводить стихи въ стихи и въ выденіи и въ разположеніи каждой черты, особенноже тамъ гдѣ они списываютъ съ дѣйствительной природы подражать имъ даже рабски*, допустивши это; переводъ Г. Воейкова заключающійся въ сихъ стихахъ:

Такъ Циклоны куютъ для Зевеса гро-
мовыя стрѣлы,
Здѣсь раздувають мѣха, шуть закаля-
ють желѣзо,

Тамъ разоженный металлъ погружа-
юшъ въ шипящую воду;

Тутъ ковахи разъ въ разъ бьютъ спаль
молошамъ,

Громкое эхо сшукъ сей разноситъ и
Этна трясется.

переводъ сей надобно будетъ принять и
потому уже за недостаточный, что у
Виргилія все это представлено въ шести
стихахъ; между тѣмъ какъ у Русскаго пе-
реводчика въ пяти. Но самый строгій
судія охотно проститъ ему всякое оп-
шупленіе, еслии такое сокращеніе *Вир-*
гилія по крайней мѣрѣ натуральнымъ хо-
домъ своимъ удовлетворитъ требовані-
ямъ разборчиваго слуха.

Не будемъ ссылаться на Фосса, кото-
рый вообще переводилъ Виргилія стихъ
въ стихъ (*): удерживая Виргиліевъ спо-
собъ выраженія онъ старался при томъ
сохранить свойства своего языка, кото-
рый впрочемъ столько же похожъ на Ла-
тинскій какъ и нашъ. Но мы на первый

(*) Выключая тѣ мѣста, гдѣ онъ настоящій смыслъ
почишалъ за нужное замѣнить другимъ; на пр.
Есѣ. III. 7. 8. и т. п.

случай и тѣмъ останемся довольны, если намъ покажутъ хотя одну тѣнь *божественнаго* Виргилія.

Посмотримъ до какой степени Русской переводчикъ сохранилъ красоты подлинника.

*Ac veluti lentis Cyclopes fulmina massis
Cum proferant;*

Разбирая сѣ мѣсто во 2-й книжкѣ Укр. Вѣстника, я замѣтилъ между прочимъ: что у Виргилія вездѣ примѣтно намѣреніе, кажется, онъ безъ того не поставилъ ни одного слога. Самое АС я сравнилъ съ первымъ ударомъ молота начинающимъ растягивать кусокъ желѣза въ *veluti* и т. д. Г. Воейковъ въ одномъ только подражалъ Виргилію: онъ употребилъ на томъ же мѣстѣ слово ТАКЪ. Но у Виргилія вытягиваніе, какъ дѣйствіе трудное, изображено преимущественно спондеями:

ac vēlūtī lēntīs Cŷclōpēs fūlmīnā māsīs.

остальное же cum proferant поддерживаетъ предыдущее обьятностію своихъ слоговъ. Но въ Рускомъ переводѣ по видимому

безъ всякой цѣли употреблены дактили,
и стихъ :

Такъ Циклопы куютъ для Зевеса гро-
мовыя стрѣлы
не имѣетъ никакого значенія для слуха.
Конечно всякой пойметъ, что хочетъ
сказать здѣсь авторъ; но этоголи только
требуешь пѣйическая точность?

Вошь другая черта не менѣе зани-
мательная:

alii taurinis follibus auras

Accipiunt redduntque.

И тамъ, гдѣ у Виргилія такъ хорошо
изображено втягиваніе и выдыханіе мѣхами
воздуха, Руской переводчикъ сказалъ
просто :

Здѣсь раздувають мѣха!

Чтобы выразиться подобнымъ обра-
зомъ; для сего не нужно болѣе того иску-
ства, которымъ отличался самый холод-
ный перелажатель Виргиліевыхъ Гергикъ
Рубанъ: онъ прибавилъ бы только *боло-*
выя изъ кожи (*).

(*) Неизлишнимъ считаю помѣстить здѣсь отпры-
жокъ сей изъ перевода Рубана вполне:

У Фосса:

ein Theil mit Bälgen von Stierhaut
Luft einhaucht und verbläst.

Здѣсь между прочимъ можно воспользо-
зоваться случаемъ и, разложивъ сію чер-
ту, сдѣлать примѣненіе *Кемпеленовой*
таблицы: мѣха, принимая въ себя воз-
духъ, надуваются и получаютъ большую
объятность; вы ее находите въ гласныхъ
а, о, и (принимая въ уваженіе отверстія
какъ *юта* такъ и *язычного канала*)

alii taurinis follibus auras ac|| (*)

Когда Киклопы какъ изъ мягкаго смѣшенія
Съ поспѣшностію куютъ перуны громовые;
То иные тогда приемлютъ воздухъ въ мѣхи
Которы сдѣланы воловья изъ кожи,
И для огня пушъ Вѣшрѣ шворяшъ чрезъ
нихъ въ горнилѣ.

Тѣ разкаленную спаль въ воду опускають,
И тѣмъ великое стучанье производяшъ;
Тогда опъ множества ударовъ Эшна спонешъ:
Онижъ между собой съ усилениемъ великимъ
Внимають плечи въ верхъ въ порядкѣ и
согласно

Клѣщами крѣпкими ворочають желѣзо.

(С. п. б. 1777.)

(*) Подобное дѣйствіе гласной *а* видно также и въ
слѣдующемъ Мешаспазіевомъ стихѣ; въ шомъ

послѣдній слогъ АС, по моей таблицѣ, представляетъ самое открытое произношеніе гласной А; онъ довершаетъ надуваніе. Остальные слоги *cipiunt redduntque*, такъ сказать сжимаются вмѣстѣ съ мѣхами при ихъ выдыханіи; здѣсь гласныя малаго отверстія; значительность самаго и теряется между большимъ количествомъ согласныхъ, отдающихся внутри рта и содѣйствующихъ къ изображенію глухого стопа мѣховъ при давленіи ихъ къ низу.

Далѣе;

alii stridentia tingunt

Aera lasu.

Тутъ закаляютъ желѣзо,
Тамъ разожженный металлъ погружаютъ
въ шипящую воду.

и другомъ случаѣ содѣйствуетъ оно къ представленію разкрыванія, но въ первомъ открываются или разширяются мѣха, а во второмъ развертываются цѣпны при появленіи зари и открываютъ мало помалу свои сокровища:

Е poco a poco

Aprono al dì le colorate spoglie.

(Кантата *L' Aurora*).

Естьли подобозвучіе, хотя и отдаленное, словъ *tingunt* и закаляютъ въ состояніи сколько нибудь оживить цѣлое выраженіе; то черта сія выведена довольно удачно. Но тѣмъ хуже: ибо послѣдующій стихъ чрезъ то становится уже совершенно лишнимъ.

Не одно ли и тоже: закалять желѣзо и разожженный металл погружать въ шиплящую воду? Впрочемъ по всему видно, что Г. Переводчику хотѣлось удерживать слово *шиплящую*, которое въ самомъ дѣлѣ выражаетъ свой предметъ столь же удачно, какъ и Фоссово *zischende* и предъ которыми Латинское *stridentia* конечно должно имѣть самый жалкій видъ. Но такъ ли эпо въ самомъ дѣлѣ? и чѣмъ должны были Римляне замѣнять нашу *ш*, которой какъ извѣстно у нихъ не было? Буква *s*, какъ единственная изъ шипящихъ Латинскихъ, въ семъ случаѣ представляетъ главную характеристику; *t* и *d*, какъ ближайшія по образованію поддерживаютъ ея дѣйствіе, будучи еще подкрѣпляемы чрезъ *n* и *g* (*st—den—ti—tingunt*). Виргилій довершаетъ черту при-

бавивши *aera laci*, которое слышимъ произношеніемъ своимъ способно содѣйствовать даже къ выраженію самаго хлокошанія; но здѣсь она только дополняетъ звукъ сопровождающій погруженіе раскаленнаго желѣза въ воду. Виргилій иначе не могъ изобразить шипѣнія, имѣя при томъ въ виду противоположность предметовъ и ихъ дѣйствій: огромные мѣха Циклоповъ и кусокъ желѣза для стрѣлы; постоянное раздуванье мѣхами и мгновенное застуженіе желѣза.

Руской Переводчикъ слишкомъ уже воспользовался выгодою нашихъ *ш* и *ж*: у него весь сей стихъ и кипитъ, и шипитъ. Впрочемъ я все еще думаю, что мѣсто *закаляютъ* въ рукописи у Г. Переводчика стоитъ *разкаляютъ* и полагаю, что это опечатка: въ такомъ случаѣ стихъ сей не былъ бы совершенно лишнимъ; но все онъ слишкомъ не достаточно. Гдѣ тутъ соразмѣрность между чертами? выраженіе дѣйствій словомъ пропорціонально ли самимъ дѣйствіямъ? какая разница между раздуваніемъ мѣховъ и застуживаніемъ желѣза? Основываясь

на семь, Виргилій далъ симъ двумъ чер-
тамъ приличный обоимъ характеръ: раз-
ница между

alii taurinis follibus auras

Accipiunt redduntque

и

alii stridentia tingunt

Aera Iacu

весьма ощутительна; здѣсь совершенно
выдержанъ контрастъ какъ въ дѣйствіяхъ
такъ и въ выраженіи, стоитъ только об-
ратить вниманіе на обьяснительность слоговъ
въ томъ и другомъ отрывкѣ и на свой-
ство согласныхъ.

Возьмемъ сѣи же самыя черты на Ру-
скомъ; конечно

Тамъ раздувають мѣха

довольно хорошо выражаетъ своею есте-
ственной звукоподражательностію какъ
предмѣты, такъ и самое дѣйствіе. Но по-
слѣ такого сокращеннаго изображенія раз-
дувальныхъ мѣховъ представленіе засту-
женія, какъ мнѣ кажется, по своей про-
тивоположности должно бы быть не срав-
ненно въ меньшемъ видѣ нежели Латин-
ское; напрошивъ я нахожу здѣсь кромѣ

туда закаляютъ желѣзо еще цѣлый и преволуминозный стихъ:

Тамъ разожженный металлъ погружаютъ
въ кипящую воду.

Подобное изображеніе шипѣнія оченьбы хорошо ошѣнило и то явленіе, которое представила бы намъ вся Вулканова кузница, естли бы всеильному Зевсу вздумалось какимъ нибудь образомъ зажечь ее самую и обьящую пламенемъ бросить въ море.

Стихъ:

Тамъ раздувають мѣха, туда закаля-
ють желѣзо,

въ такомъ видѣ какъ онъ есть, представляеть слуху довольно не худо противоположность двухъ разныхъ дѣйствій; но его отношенія къ подлиннику, къ окружающимъ его Рускимъ стихамъ — сѣи отношенія впрочемъ необходимо при семъ предполагаемая отнимаютъ у него и ту маленькую выгоду, которую онъ имѣлъ бы самъ по себѣ отдѣльно взятый.

Далѣе:

Gemit impositis incudibus Aetna

сей стихъ въ Рускомъ переводѣ отнесенъ на самый конецъ ; и мнѣ кажется, Г. Воейковъ въ семъ случаѣ поступилъ очень хорошо: потому что гораздо естественнѣе изобразить сперва внутреннія дѣйствія кузнецовъ, удары ихъ молотовъ и послѣ уже представить эхо отъ сихъ ударовъ. Такое отступленіе весьма удачно, и мое удовольствіе увеличивается еще болѣе, когда читаю:

Тушъ коваѣи разъ въ разъ бьютъ спалъ
молотами.

Не могу не возкликнуть: вошъ истинныя спондеи, хотя они и не отмѣчены черточками сверху! я ихъ узналъ и безъ того! Не могу не повторить еще разъ: вошъ истинныя спондеи, какіе только возможны у насъ, т. е. слоги большаго объема и уже не попроизволу принятыя за долгіе, но таковыя отъ самой природы: ибо какъ скоро ни произносите ихъ, орудія рѣчи при семъ рзположены такъ что во всякомъ случаѣ ошущительна нѣкоторая трудность въ выговорѣ придающая слогу большую объятность и продолжающая самое время произношенія.

Сей стихъ замѣняетъ собою оба Виргиліевы :

Illic inter sese magna vi brachia tollunt

In numerum versantque tenaci forcipe ferrum.

въ немъ соединена сила и проворство. Такое сокращеніе весьма удачно; и Русской чиститель не заботится о томъ, какъ выразить это Виргилій.

Г. Воейковъ заключаетъ свое описаніе стихомъ :

Громкое ахо стукъ сей разноситъ и

Этна шрясется.

По содержанію своему онъ отвѣтствуетъ Латинскому

Gemit impositis incudibus Aetna.

Перенесеніе сего стиха въ Рускомъ переводѣ на самый конецъ, какъ я уже замѣтилъ, весьма удачно: это согласіе съ природою — вошь выгода; но вошь и не выгода: у Виргилія представляется мнѣ стукъ молота ударяющаго плоско, но въ Рускомъ переводѣ громкое ахо стукъ сей разноситъ и хопя Этна шрясется, но слухъ мой отъ этого ни чуть не приходитъ въ сильное содроганіе.

Гонорскій.

(Продолженіе впереди.)

II. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

а) ПРОЗА.

Различные роды безсмертія.

(Окончаніе.)

Все что ни есть въ насъ благороднѣйшаго, не есть наше: разсудокъ, образъ мыслей, поступковъ, самаго существованія все это мы наслѣдовали отъ другихъ. Мы выражаемся *языкомъ*, изобрѣшеннымъ нашими предками; излагаемъ наши мысли тѣмъ же способомъ, съ помощію котораго уже столь много умовъ образовались и къ усовершенію коего содѣйствовали отличнѣйшіе люди всѣхъ націй и такимъ образомъ сообщили намъ благороднѣйшую часть своего бытія, свои душевныя качества и приобретенныя ими сокровища мыслей. Мы ежедневно пользуемся множествомъ *открытій* дошедшихъ къ намъ отъ древнихъ и частію отдаленнѣйшихъ народовъ, безъ которыхъ наша жизнь былабы скучна и мы терпѣ-

ли бы великую нужду. *Правила и нравы* мы также получили въ наслѣдїе: они не только изъясняютъ скрытый въ насъ законъ природы; но еще даютъ намъ силу оспротивляться притѣсненіямъ и привычкамъ, оставляя предразсудки и зидя, что умы другихъ озарены свѣтомъ истиннаго, добраго и прекраснаго, желать соединиться съ ними какъ ~~можно~~ ~~тѣснѣе~~. Ся цѣль дѣйствій дошла и до насъ; она окружила и оковала насъ; противъ воли должны мы за нее держаться и въ добромъ или худомъ должны содѣйствовать или препятствовать другимъ; мы принуждены продолжать дѣйствіе для нынѣшнихъ и будущихъ поколѣній. Это есть невидимое тайное средство, соединяющее умы мнѣніями, сердца склонностями и побужденіями, чувства впечатлѣніями и формами, гражданскія общества законами и постановленіями, народы примѣрами, образомъ жизни и воспитаніемъ, любящихся любовію, друзей согласіемъ дружбы; такъ что мы симъ соединяющимъ средствомъ должны дѣйствовать нынѣ и впредь на себя, на другихъ и на

на потомство. Вотъ сущность истиннаго человѣческаго безсмертія; но все другое, имѣющее наружный видъ его, только носить на себѣ его имя.

Чтобы это яснѣе представить себѣ; стоимъ только припомнимъ лучшія минуты нашей жизни, особенно дѣтства и юности: наслаждаясь ими не были ли мы всегда внѣ себя отъ радости и не раздѣляли ли ихъ съ другими? Или когда другіе подобнымъ образомъ дѣйствовали на насъ; не ощущали ли мы ихъ въ себѣ, себя въ нихъ? Тогда мы забывали совершенно о томъ, что мы ограничены и смертны; мы были въ мірѣ вѣчныхъ истинъ, чистаго добра, безсмертнаго наслажденія и бытія. Такимъ же образомъ въ наши юношескія лѣта переходили въ насъ мысли тѣхъ, кои болѣе всѣхъ на насъ дѣйствовали: звуки ихъ голоса проникали насъ, мы видѣли ихъ образъ, почивали тѣмъ ихъ; и дѣйствіе, произведенное въ насъ ихъ внутреннимъ словомъ (мыслию), способствовало къ образованію нашей души. Мы еще слѣдуемъ мнѣніямъ тѣхъ мудрыхъ и великихъ мужей, кои по смер-

ши своей столь долго живутъ въ памя-
ти другихъ: и мы не только мыслимъ о
тѣхъ предмѣтахъ, коими занимались они;
но и получаемъ отъ нихъ самый образъ
размышленія и въ свою очередь пере-
даемъ его потомству.

Хотя бы что и оставалось по ви-
димому погребеннымъ въ темной обла-
сти нашихъ мыслей; но и это въ свое
время выйдетъ изъ мрака, устроится со-
образно другимъ мнѣнїямъ и соединит-
ся съ ними: потому что въ душѣ чело-
вѣческой нѣтъ ничего мертваго, все въ
ней живетъ; а что еще не раскрыто, все-
гда готово бываетъ пробудиться къ жиз-
ни и развернуться. Поелику же человѣче-
скія души въ своей области бываютъ
тѣсно соединены; то онѣ оживляютъ и
пробуждаютъ одна другую. Еще въ выс-
шей степени дѣйствуютъ на насъ стра-
сти, образъ жизни и нравы особенно
тѣхъ, съ которыми мы ежедневно обра-
щаемся, которыхъ мы ненавидимъ или
любимъ, презираемъ или почитаемъ. Пер-
вымъ противоборствуетъ духъ нашъ; а
вліянія послѣднихъ тихо проникаютъ

нашу природу. Мы приучаемся къ словамъ другихъ, къ ихъ движеніямъ, взорамъ, выраженіямъ такъ что не примѣчая даже того заимствуемъ все это отъ нихъ и сообщаемъ въ свою очередь другимъ. Это есть невидимая волшебная цѣпь, которая соединяетъ даже самыя тѣлодвиженія людскія; она есть безпре-
станное сообщеніе качествъ, истинное преселеніе душъ (метемпсихозъ). Мы думаемъ быть одни и никогда не бываемъ таковыми; мы даже и сами съ собою бываемъ не одни: души умершихъ нашихъ воспитателей, друзей, враговъ и тысячи другихъ предмѣшовъ дѣйствуютъ на насъ. Мы не можемъ не видѣть ихъ лица, не слышать ихъ голоса; даже ихъ дурныя качества переходятъ къ намъ. Щастливъ тотъ, коего мысленный міръ подобится вѣчному раю: духъ его наслаждается радостнымъ безсмертіемъ!

Чтобы согласиться со мною въ этомъ, должно замѣтить слѣдующее:

1. Чѣмъ что въ нашей природѣ чище и благороднѣе; тѣмъ болѣе оно разпространяется, выступаетъ изъ тѣсныхъ

своихъ предѣловъ, сообщается другимъ и дѣлается безконечнымъ и вѣчнымъ. Форма нашъ сильно стѣсняющая стѣсняетъ еще болѣе другихъ, когда мы ее налагаемъ на нихъ; особенно по тому, что она не есть ихъ собственная: напротивъ того, что въ другихъ производитъ жизнь и удовольствіе, что заспавляетъ ихъ пріятно дышать, наслаждаться раемъ, въ которомъ цвѣты растутъ сами собою, — это есть чистый безсмертный эфиръ. Сюда принадлежатъ чистыя истинныя мысли, усовершеніе наукъ, при чемъ мы забываемъ сами себя и думаемъ только о своемъ предметѣ; правила разсудка и нравственности въ которыхъ каждый даже противъ воли, долженъ признать общую пользу и достоинство и какъ бы читать въ нихъ самую вѣчность. Гдѣ раздается звукъ отъ таковой струны, тамъ соглашающая съ нимъ всѣ чистыя человѣческія души; мы восхищаемся имъ до толѣ, пока онъ непримѣтно не сдѣлается игрою нашихъ собственныхъ мыслей. Такъ точно дѣйствовали всѣ благодѣтели человѣческаго рода; такъ дѣй-

ствують на насъ родители, наставники, законодатели, друзья и тѣ кои нѣкогда способствовали развитію нашихъ понятій, образу нашей жизни, чистѣйшему и благороднѣйшему улучшенію нашего истинно человѣческаго чувства. О сколь щасливы предъ всѣми тѣ герои и геніи человѣчества, которыми при ихъ могуществѣ также и умѣ, а при умѣ и могуществѣ досталась въ удѣлъ добродѣтель! Сколько прекраснѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ средствъ имѣли они, чтобы сдѣлаться безсмертными! Знаешь ли или нѣтъ имена ихъ угнѣбленный и сирый; но доколѣ онъ пользуется отъ нихъ защитою, вспоможеніемъ, ободреніемъ, подпорою, радостію, доколѣ пребываютъ они въ заведеніяхъ своихъ безсмертны. Лучшее образованіе, которое получаетъ безпомощный; добрый приемъ, который находитъ оставленный всѣми; польза, которую онъ принесетъ, его благодарность, его радость со всѣми другими добрыми дѣйствіями, кои онъ также въ свою очередь передастъ другимъ, все это есть ихъ дѣло: они были тому причиною и основаніемъ. Семья

на посвященные ими для усовершенія людей сущь безсмертны: онѣ произрастуть въ великое древо, коего вѣтви будутъ вѣчно разпространяться. Напротивъ что изпребляется съ нашимъ смертнымъ образомъ, все то низходитъ во адъ.

2. Чтобы содѣйствовать сколько нибудь къ дополненію общей и вѣчной сокровищницы людей; необходимо надобно совлечься самого себя *ш. е.* отбросить всѣ предразсудки соединенные съ нашею *личностію*. Захочетъ ли кто изъ насъ, хотя бы это и возможно было, наградишь современниковъ и потомство своими слабостями? Нѣтъ! нектаръ безсмертія, жизненный сокъ, произращающій истинное и доброе есть чистый сокъ; все смѣшанное съ личностію должно быть погружено въ бездну: оно должно дотолѣ очищаться въ сосудахъ и вмѣстилищахъ великой машины свѣта, пока не опадетъ на дно вся нечистота. Истинна основывается сама на себѣ; она подобна кубу, который хотя бы шесть разъ обернулся, но все остается кубомъ: напротивъ того пирамида поставленная на острый свой конецъ или разрушится, или съ

чрезвычайнымъ усиліемъ до тѣхъ поръ должна оборачиваться пока не найдетъ постоянного мѣста. Сіе *само-отреченіе* легко можетъ послѣдовать, если мы хотя однажды насладимся воздухомъ превыспренняго міра и переселимся въ область всего истиннаго и постоянного. Мы охотно отказываемся отъ смертнаго покровя своей личности, представляя себѣ, что онъ долженъ напоминать потомству о нашихъ несовершенствахъ. Первое понятіе всеобщаго закона показываетъ уже намъ, что онъ долженъ быть удаленъ отъ всѣхъ житейскихъ слабостей; но по сему же самому всякая чистая форма добраго и прекраснаго можетъ быть только идеаломъ но не портретомъ. Кто возмогъ быть строгимъ судіею самаго себя; тотъ только есть сынъ боговъ: онъ безсмертенъ какъ по природѣ, такъ и по дѣламъ своимъ.

3. Но поелику всякая вещь однимъ только образомъ можетъ быть самою лучшею въ своемъ родѣ; по, по непремѣннымъ законамъ, формы вещей должны возвращаться и ничто внутреннее не мо-

жестъ не обнаружиться. Всякая мысль и желаніе должны быть выражены и означены; по сей причинѣ наука вѣчно истиннаго, добраго и прекраснаго должна непремѣнно также имѣть свое мѣсто въ раю безсмертія. Между всѣми излучинами есть одинъ только путь прямой и истинный. Естли послѣ многихъ дѣтскихъ упражненій является на конецъ образцовое твореніе; то мы должны уже быть увѣрены, что оно носить на себѣ печать постоянного и вѣчнаго. Опытные люди узнають его тотчасъ; и хотя бы зависть зашмила его шуманомъ, невѣжество густымъ мракомъ: но шуманъ разсѣется, мракъ исчезнетъ и лучи отъ вѣчнаго творенія проникнутъ сквозь тьму столѣтій. Пробѣгая исторію, мы находимъ чрезвычайно мало образцовъ въ мысленной области; въ сей области наукъ, искусствъ, открытій, законовъ, правилъ мы находимъ гораздо менѣе владыкъ нежели сколько было Монарховъ управлявшихъ землями. Многіе изъ мудрецовъ господствовали надъ умами цѣлыя столѣтія и держали ихъ въ приятномъ заблужденіи;

наконецъ сокрытое злато являлось опять, послѣ продолжительной зимы вѣчная сила природы начинала новую, прекраснѣйшую весну. Въ преданіяхъ всѣхъ времянь и народовъ самое доброе и прекрасное ознаменовано печатью неплѣннѣя и вѣчнаго обновленія. Сія мысль, естли я не ошибаюсь, должна породить въ насъ новую охоту къ жизни, новое уваженіе къ званію; въ которомъ мы поставлены, и внушить желаніе наслаждаться въ немъ вѣчносцію, равно какъ и содѣйствовать наилучшимъ образомъ ко всему постоянно-му въ человѣчествѣ. Мы должны принимать участіе, стоя въ потокѣ времени, гдѣ одна волна тонитъ другую; мы должны дѣйствовать на будущее съ пользою или со вредомъ, такъ какъ на насъ дѣйствовали прошедшія времена. Награда жизни нашей состоитъ въ томъ, что мы хотя даже въ туманѣ и мракѣ достигнемъ наконецъ той цѣли, гдѣ находится вѣнецъ; ударимъ въ тѣ струны, кои безпрестанно издають сладостные звуки раздающіеся въ безконечность. Естли онѣ для обыкновеннаго слуха и небыва-

юмъ вяжны; по это не отвергаетъ еще ихъ бытїя: онѣ точно находятся на томъ мѣстѣ, продолжають издавать звуки и производяшь новую гармонїю. Не одними сочиненїями дѣйствуемъ мы на будущее; мы гораздо болѣе дѣлаемъ для нея своими заведенїями, сужденїями, дѣлами, примѣромъ и образомъ жизни. Черезъ еѣ мы живо запечатлѣваемъ нашъ образъ въ другихъ; сїи принимаютъ его на себя и въ свою очередь также сообщаютъ другимъ. Такъ возрастало и разпростиралось древо человѣческой образованности у всѣхъ народовъ: вещное множество людей возмощивало его; мы вкушаемъ опъ него плоды и обязаны споспѣшествовать его произрастанїю. Взоръ нашъ не можетъ пробѣгать всей цѣпи времянь; но рука наша должна быть трудолюбива, наша краткая жизнь опъ такого принятїя и сообщенїя продлится и увѣковѣчится. При такомъ высокомъ чувствѣ легко можно позабыть имя, которое мы носили въ жизни нашей: не наружность желаемъ мы сообщить современникамъ нашимъ и потомству; но духъ нашъ, сердце, луч-

шіе признаки нашего бытія, благороднѣйшія черты заняшыя нами и въ свою очередь сообщенныя другимъ.

(Изъ Гердера.) Алекс. Каменская.

Мы не можемъ довольно возблагодарить почтеннѣйшую Переводчицу за удовольствіе, которое доставляетъ намъ она своими пѣсами: въ нихъ философія украшается прелестями цвѣтущаго слога. Нѣтъ ничего приятнѣе, какъ слышать важныя истины изъ устъ краснорѣчивыхъ; нѣтъ ничего очаровательнѣе, какъ видѣть, когда шѣ, коимъ въ удѣлъ досталось преимущественно плѣнять насъ своею милою легкостію, возвышаются надъ обыкновеннымъ; и обнаруживая твердость характера, тою же рукою которая по видимому опредѣлена, только бѣгать по струнамъ, пишутъ разительныя истины, и внимая мудрецамъ различныхъ народовъ, ихъ права передаютъ своимъ соотчичамъ. Изд.

Ь) СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ

Изъ Вольтеровой трагедіи.

ОРЕСТЬ.

(3-е Дѣйствіе, Явленіе VI-е).

(Орестъ сопровождаемый Пилатомъ имѣя при себѣ пепельный сосудъ, мечъ и кольцо въ видѣ незнакомца является Эгисту и Клитемнестрѣ; выдаетъ себя за убійцу самаго Ореста, которому суждено было отъ боговъ умертвить свою мать Клитемнестру.)

Э г и с т ъ.

Такъ вотъ сѣи два Грека
Спасенные въ сей день отъ ярости морей,
Достойные награды и милости моей!

О р е с т ъ.

О царь, отъ рукъ моихъ прими залогъ сей явной
Погибели главы толико въ мірѣ славной
Кольцо сѣе и мечъ, извѣстные тебѣ:

Твой Царь Агамемнонь носиль ихъ на себѣ;
Орестъ оставиль ихъ.

Клитемнестра.

Рука твоя сурова. . . .

Эгистъ.

Коль ты его сразиль, то мзда твоя го-
шова.

Кто ты, какой твой родъ?

Орестъ.

Безвѣстенъ и сокрытъ;

Но время можетъ бысть о немъ провоз-
вѣститъ.

Отецъ мой нѣкогда въ предѣлахъ опда-
ленныхъ,

Предъ взорами Царей на Трою ополчен-
ныхъ,

Стяжалъ хвалу и честь на поприщѣ по-
бѣдъ.

Онъ смерть свою нашель въ годину об-
щихъ бѣдъ,

Въ дни горести и золь, копорыми Ахеи

Плашили року дань за славу и профей.

Меня опринула родная мать моя;

Жестокіе враги возстали на меня!

Единый въ мірѣ другъ на помощь мнѣ
явился;

Я презрѣль нищету и къ чести устре-
мился.

О Царь, вотъ жребій мой.

Э г и с т ъ.

Скажи, въ какихъ мѣстахъ
Тобою пораженъ неистовый мой врагъ?

О р е с т ъ.

Гдѣ Эпидавра храмъ, въ долинѣ Ирмѣоны,
Среди священныхъ роцъ, у капища Юноны.

Э г и с т ъ.

Владыка той страны главы его искалъ.
Почто ты ошъ него награды не приялъ?

О р е с т ъ.

Я алчу мѣнѣя, не мзды ишу презрѣнной,
Подвигнутый на бой причиной сокро-
венной;

Открытый въ мѣрѣ семъ для друга одного
Не продалъ жизни я злодѣя своего.

Безъ помощи царей не я другу отмщаю,
Ни славы, ни добра въ награду нежелаю.
Прости мнѣ, государь, невольный тре-
петь мой:

Вдову Амридову я вижу предъ собой.
Достоинъ ли ошъ ней хвалы или укоры,
Не знаю; но меня ея сражаютъ взоры,
Сокроюсь, чтобы мнѣ не зрѣть ея лица!

Э г и с т ъ.

Постой!

Клитемнестра.

Ахъ, удали поликихъ золь творца.
Онъ ужась поселилъ въ душѣ моей смя-
тенной:

Его я зрѣла тамъ, въ обители плачевной,
Гдѣ смершью опочилъ владыка сей земли;
И боги Стиксовы во слѣдъ ему текли!

Э г и с т ъ.

Кто, ты? за чѣмъ тамъ былъ?

О р е с т ъ.

Подобно сей царицѣ,
Я умоляю прахъ почющій въ гробницѣ:
Пролишой крови гласъ на небо вопіетъ.

Клитемнестра.

Вся тяжесть словъ его на сердце мнѣ
падетъ.

Скорѣй отъ глазъ моихъ исчезни сей гу-
битель!

О р е с т ъ.

Я слышалъ, что Орестъ готовилъ вамъ
погибель;

Я слышалъ, что ему свою родную мать
Жестокая судьба велѣла проклинять.

Клитемнестра.

Пролить родную кровь былъ ровъ его
ужасный;

И вѣрно поспѣшала свершить его неща-
стный.

Но горе, горе мнѣ спасенной отъ него!

Ужасна вѣсть твоя для слуха моего.

О р е с т ъ.

Чтобъ сынъ на мать свою воздвигнулъ
руки злая!

Ахъ, могъ ли онъ забыть права ея свя-
тыя?

Онъ чтилъ бы кровь свою. . . Онъ вѣрно
бы желалъ. . . .

Клитемнестра.

О небо!

Э г и с т ъ.

Но какъ ты и гдѣ о немъ узналъ?

П и л а д ъ.

Онъ забывается. . . Гонимые судьбою
Легко смущаются и дружбой и враждою.
Онъ въ Дельфахъ съ нами жилъ.

О р е с т ъ.

И тамъ узнали мы

Обътъ его.

Э г и с т ъ.

Какой?

О р е с т ъ.

Искашь швоей главы.

Э г и с т ъ.

Я зналъ и презиралъ мечпы его безумны.
Электръ сей ударъ: ея мечтанья буйны
Исчезли всѣ шеперь съ надеждой на него;
Исполнился предѣлъ терпѣнья моего.
Сестра достойная любушаго злодѣя
Надмѣнна гордостью, опмщеньемъ пла-
менѣя,
И сына моего отвергнувша союзъ
Во мзду твоихъ услугъ да будетъ жер-
твой узъ;
Пусть участь горькую себѣ вмѣняя паче,
Влачишь несносну жизнь въ стечаніи и
плачѣ.
Свершай со дня сего ты мечь мою надъ
ней.
Троянскихъ нѣкогда несчастный родъ
царей
Позналъ въ плѣну враговъ безчестье и
неволю:
И кровь Апридова свою получить долю.

Клитемнестра.

Ахъ, нѣтъ! не допущу. . . .

Эгистъ.

Еще ль твоя любовь
Держаетъ защищать сѣю строптиву кровь?
Въ ней нѣтъ къ тебѣ любви, а нена-
висть едина;

Электры нещади, сразивъ достойно сына.

(Къ Оресту.)

Ославъ во власъ мою сосудъ сей гро-
бовой.

Орестъ.

Я радъ такимъ дарамъ; сей прахъ да
будетъ твоей.

Клитемнестра.

Нѣтъ, нѣтъ; поспавъ предѣлъ неистов-
ству и мести:

Пусть приметъ отъ тебя иные знаки
чести.

Укроемся и мы скорѣй отъ сихъ береговъ,
Гдѣ смерти страшень гласъ и грозень
миръ гробовъ;

Гдѣ рода моего разгнѣванные боги
На срамъ твоихъ торжествъ склоняють
взоры строги!

Отвсюду ужасы надъ нами вознеслись:

Кн. 4.

Коль я познала страхъ, ты страха не
стыдись.

Дерзнемъ ли, веселясь кровавыми пирами,
Прахъ сына и отца поставишь между
нами

И кровь мою предать среди сихъ са-
мыхъ мѣстъ

На жертву варвару, которымъ палъ
Орестъ?

Мнѣ страшень видъ его; онъ съ первою
минутой

Мнѣ въ душу проліялъ отраву муки лю-
бой.

О естлибъ я могла, все чувства истребя,
Сокрыться отъ людей, сокрыться отъ
себя!

СЯ — съ

Другу моего сердца.

Я была гонимъ судьбою
И злобою людей;
Но я опять съ побою,
О другъ души моей!

Гоненья презираю
И злобѣ ихъ смѣюсь;
Тебя коль обнимаю,
То участію горжусь.

Мнѣ почести, богатства
Не надобны съ тобой:
Души твоей прияпіства
Какой купить цѣной?

И Крезы съ сундуками
Прискорбій чашу пьютъ;
Усыявъ грудь звѣздами,
Тихонько слезы льютъ.

Ихъ доли не желаю,
Чины не нужны мнѣ,
Тобой коль обладаю,
Коль нравлюся тебѣ.

Люби лишь съ новой силой
Всегда, мой другъ, меня;
Твоей улыбкой милой
Вѣкъ счастливъ буду я.

К. Х—лк—вѣ.

Къ портрету

Его Сіятельства К. Н. Г. Р—на.

И онъ участникъ Росской славы,
И онъ опечество спасалъ,
И онъ на Галловъ громъ бросалъ!
Теперь, шудясь въ стѣнахъ Полшавы,
Россіи-Малой радость льетъ;
Правдивою идетъ стезею, —
И всѣхъ сердца къ себѣ влечетъ
Любезной кротосшью своею.

Егоръ Акимовъ.

Полтава.

1817. Марша 17.

П р о с т и.

(На голосъ: Ихавъ козакъ за Дунай.)

Милой ангель, другъ любезной,
Въ комъ я нову жизнь нашель!
Ахъ, прости, разлуки слезной
Часъ мучительный пришелъ.

Сердце грустію помится,
Вспомня сей ужасный часъ;
Слезъ горячихъ токъ капится
Изъ моихъ смущенныхъ глазъ.

Въ поле чести вызываетъ
Грозный звукъ трубы меня:
Долгъ исполнишь принуждаетъ,
Сердце скорбное стѣсня.

Тамъ, борясь со смертью злою,
Презирая страшный бой,
Мыслью, чувствами, душою
Буду я всегда съ тобой.

Буду слышать, какъ вздыхаешь
Ты въ разлукѣ обо мнѣ;
Какъ въ смятенѣи ожидаешь
Вѣсти горестной себѣ.

Еслилижъ клятву ты нарушишь,
Сердце мнѣ о томъ шепнетъ, —
О! тогда — тогда получишь
Эту вѣсть: „его ужъ нѣтъ!“ —

Орестъ Соловъ.

Въ альбомы.

1.

Е. М. III.

Приятно для меня при первой встрѣ-
чѣ съ вами

Въ альбомѣ мѣсто взялъ межъ вашими
друзьями;

Приятнѣе еще всѣ способы найтись
На сердце ваше мнѣ тожъ право получить.

2.

М. М. Кл.

И вы хотите здѣсь мой стихъ про-
стой вмѣстить?

Я вамъ отказывать никакъ бы не посмѣла;
Когда бы такъ легко стихи писать умѣла,
Какъ вамъ легко себя заставить полюбить.

3.

Не много нужно словъ,
Чтобъ написать любовь;
Но много нужно словъ,
Чтобъ описать любовь.

А. Кричевская.

Полевому колокольчику.

Цвѣшочикъ миленькой! ты мнѣ напо-
минаешь
Прекрасный потъ цвѣтокъ, что Онъ мнѣ
подарилъ;
Минушу сладкую ты въ мысляхъ возраж-
даешь:
Срывая мнѣ его какъ былъ тогда Онъ
милъ!

Увядшей незабудочкѣ.

О сколько я тебя, цвѣточикъ мой,
любила!

Но все любовь моя тебя не сохранила;
И ты безъ времени, цвѣточикъ мой, за-
вяль;

Но въ сердцѣ у меня цвѣсти не пересталь.

Л. Кричевская.

Петраркинъ Сонетъ.

Zefiro torna, e 'l bel tempo rimena; etc.

Повѣялъ вѣтерокъ, въ приятный май-
скій часъ

И роза разцвѣла, и травка зашумѣла;

Щебечеть ласточка, стелаетъ Филомела;

Прекрасная весна пришла утѣшить насъ.

Яснѣетъ неба сводъ; прелестень лугъ
для глазъ,

Творецъ является чуднѣй въ своемъ со-
зданѣ,

И плещуть водъ струи въ любовномъ
трепешанѣ,

И воздухъ, и земля любви лишь вспо-
рять гласъ.

А я одинъ теперь тоску мою питаю:
За тѣмъ, что нѣтъ ея со мною въ сихъ
мѣстахъ;

И въ свѣтѣ ни къ чему любви уже
не знаю.

Все вокругъ меня цвѣтеть; я нѣснямъ
птицъ внимаю:

Но въ голосъ Прелесть, но въ сладкихъ
ихъ рѣчахъ

Одинъ пустынный звукъ и ужасъ ощущаю.

Съ Италіян. Райдаровскій.

Къ другу.

(Посвящено А. С. С — ву.)

Мой другъ теперь со мной въ разлукѣ;

А я одинъ, и долженъ горевать.

Могуль не предаваться скукѣ? —

Тебя мнѣ болѣе быть можетъ не видаць.

Теперь не Днѣпръ ужъ разлучаетъ,

Но горы, много рѣкъ межъ насъ лежатъ;

А сердцу грусть напоминаетъ:
Быть можеть болѣе тебя мнѣ невидать.

Нельзя на время положиться,
Оно насъ любитъ часто убивать;
Не знаемъ, долголь жизнь продлится:
Быть можеть болѣе тебя мнѣ не видать.

Вѣнокъ, что лиру украшаетъ,
Съ разлуки нашей началъ засыхать,
И пылъ на лиру упадаетъ:
Быть можеть болѣе тебя мнѣ не видать.

Прости любимецъ Музъ и Грацій!
Прошу тебя меня не забывать,
Доколь не скажеть Кронъ парящій:
„Вотъ и тебѣ его ужъ болѣе не видать!“

А. Корнеліусъ.

Экспромтъ въ Альбомъ.

*Вѣръ ф. . . . П. . . . въ день ея именинъ,
Сентября 17, 1816 года.*

Нѣтъ счастья безъ любви, такъ мно-
гіе твердятъ,
И въ томъ все счастье полагають;

Кн. 4^я

9

Иные весь свой вѣкъ въ надеждѣ про-
живають,
И тѣмъ до старости себя все щещно
льспящъ.
По мнѣнью моему все это лишь химера;
А щасливъ только тотъ, кѣмъ обла-
даетъ Вѣра.

Н. . . . Ш. . . .

Т. . . . въ

О ш и б к а,

С к а з к а.

„Ахъ, маминька! стой, стой! вотъ
прелестъ! какъ онъ милъ!
Смотрите что за сташъ, въ мундирѣ,
заглядѣнье!“
— „Пожалуй, постоимъ. Да гдѣ же? Кпо
тушъ былъ?
Здѣсь кукла, тамъ портретъ!... ты, пра-
во, въ испугленѣ.“
— Читатель! не удивись безсвязный слы-
ша вздоръ;
Таковъ былъ женщинъ двухъ въ каретѣ
разговоръ:

У дочки съ матушкой кашившихся къ обѣду
Ни то домой, ни то къ почтенному Все-
вѣду,

Гдѣ всѣмъ невѣстамъ, женихамъ,

Разумнымъ и глупцамъ

Всегда былъ входъ непрекословный,

Театръ и балъ и ужинъ модный!...

Такъ вошъ двѣ женщины шеперь стоятъ
въ рядахъ;

Имъ показалось, я чаю, въ шоропахъ,

Что будто бы герой съ прекраснѣйшимъ
уборомъ

Ихъ удостоилъ вдругъ своимъ нежда-
нымъ взоромъ:

Онъ *прямо* къ нимъ *лицомъ*! какъ слу-
чай пропустилъ?

Лакеи дверцей хлопъ, чтобъ барынь въ
ходъ пустить

И показатъ вблизи предмѣтъ ихъ удив-
ленья.

Идушъ; но чтожь? О сила заблужденья!

Кто былъ въ мундирѣ, въ галу-
нахъ?

Болванъ — парикъ, на немъ съ сул-
шаномъ шляпа,

Лоскутья, всякой вздоръ; да изъ за-
шкапа

Глядѣла кукла на винтахъ!

Съ иною модницей и не въ проѣздъ слу-
чалось,

Что сердце, на бѣду, и кукламъ доста-
валось!

Макаровъ.

Надпись на вратахъ адовыхъ.

Изъ Дантовой поэмы Адъ.

Мною проходяшь въ мрачны юдоли,
Вѣчны гдѣ скорби души грызутьъ,
Къ сонму погибшихъ, кои отъ боли
Въ мукахъ, рожденья время клянущъ.

.

Естьли однажды я отворюся,
Вшедшій! надежду всяку отринь.

(L' Inferno, poema di Dante. Canto III.)

Съ Итальян. Орестъ Сомовъ.

III. ХАРЬКОВСКІЯ ЗАПИСКИ.

Общество наукъ.

(Выписка изъ журнала засѣданія Харь-
ковскаго Общества наукъ 17-го Апр. 1817.)

I. Читаны отношенія внѣшнихъ членовъ Г-на Губернскаго Предводителя Дворянства здѣшней Губерніи Подполковника Андрея Ѳедоровича Квишки, и Г-на Директора училищъ Черниговской Губерніи Сшатскаго Совѣтника Михайла Егоровича Маркова, коими изъясляютъ они благодарность Обществу за избраніе ихъ въ число сотрудниковъ онаго.

II. Секретарь Общества Комлишинскій представилъ на разсмотрѣніе краткую Исторію Общества съ открытія его по 1817 годъ.

III. Избраны по словесному отдѣленію: А. во внѣшніе члены Его Высокопреподобіе Г. Войсковой Протоіерей Черноморскаго войска Кирилль Васильевичъ Россинскій, Г. Харьковскій Предводитель

Дворянства Григорій Ѳеодоровичъ Квитка,
и Г. Почетный Смотритель Щигровска-
го и Тимскаго уѣздовъ Надворный Совѣт-
никъ Степанъ Александровичъ Исаковъ;
В. въ члены Ассесоры Лекторъ Грече-
скаго языка при Университетѣ Павелъ
Алексѣевичъ Куницкій и Кандидашъ Ан-
дрей Андреевичъ Вербицкій.

*Продолженіе списка пожертвованій
въ пользу сиротъ обучающихся въ
Харьковскомъ Коллегіумѣ, учинен-
ныхъ въ Лебдинскомъ уѣздѣ по
приглашенію Благочиннаго Іерея
Михаила Залѣскаго. (*)*

	Руб.
Штабс-Капитанъ Николай Степа- новичъ Романовъ - - -	25
Подполковникъ Степанъ Степановичъ Романовъ - - -	25
Поручикъ и Кавалеръ Степанъ Сте- пановичъ Астраховичъ - -	10

(*) См. 1816 года въ 12 кн. стр. 395, и 1817 г. во
2 кн. стр.

Маіоръ и Кавалеръ Иванъ Василье- вичъ Даценковъ	- - -	10
Маіоръ Михайла Ивановичъ Понома- ревъ	- - -	5
Губернскій Секретаръ Степанъ Сте- пановичъ Могилашовъ	- -	10
Титулярный Совѣшникъ Федоръ Мат- вѣвичъ Армашевскій	- -	10
Порутчикъ и Кавалеръ Алексѣй Ива- новичъ Джунковскій	- -	5
Порутчикъ Максимъ Петровичъ Пле- шневъ	- - -	5
Порутчикъ Сергій Ивановичъ Пусто- войшовъ	- - -	5
Маіоръ Лавреншій Петровичъ Пле- шневъ	- - -	5
Штабсъ-Капитанъ Иванъ Григорье- вичъ Элютинъ	- - -	5
Коллежскій Секретаръ Петръ Алек- сѣвичъ Галкинъ	- - -	5
Маіоръ Степанъ Матвѣвичъ Рубановъ		5
Титулярный Совѣшникъ Осипъ Мат- вѣвичъ Рубановъ	- - -	5
Неизвѣстный	- - -	12
Порутчикъ Николай Васильевичъ Лосевъ		25
и десять четвершей хлѣба		

	Руб.
Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Ни-	
колай Степановичъ Спремоуховъ	25
Капишанъ Алексѣй Тимоѣевичъ Пол-	
зиковъ - - - - -	25
Поручикъ Александръ Акимовичъ	
Галкинъ - - - - -	25
Штабсъ-Капишанъ Григорій Данило-	
вичъ Штепинъ - - - - -	5
Маюръ Петръ Васильевичъ Кондрашевъ	5
Титулярный Совѣтникъ Михайло Ро-	
мановичъ Романовъ - - - - -	5
Неизвѣстный - - - - -	5
Неизвѣстная - - - - -	5
Неизвѣстный - - - - -	10
Неизвѣстный - - - - -	5
Андрей Никишичъ Громовъ - - - - -	4
Пелагея Степановна Максимовичева -	5
Подполковникъ Павелъ Максимовичъ	
Мазуревскій - - - - -	5
Помѣщикъ Иванъ Андреевичъ Кандыба	5
Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ	
Князь Александръ Александровичъ	
Щербатовъ - - - - -	25
Гвардіи Поручикъ и Кавалеръ Ва-	
силій Ивановичъ Головинъ - - - - -	10

Гвардіи Поруччикъ и Кавалеръ Иванъ					
Ивановичъ Головинъ	-	-	-	-	25
Неизвѣстный	-	-	-	-	5
Неизвѣстный	-	-	-	-	20
Неизвѣстный	-	-	-	-	5
Поруччикъ Кирилль Клеменщевичъ					
Симоновскій	-	-	-	-	10
Неизвѣстный	-	-	-	-	5
Корнетъ Алексѣй Тимоѣевичъ Ороб-					
цовъ	-	-	-	-	5
Неизвѣстная	-	-	-	-	10
Павель Прокоповичъ	-	-	-	-	1
Неизвѣстный	-	-	-	-	5
Капитанъ и Кавалеръ Илья Ивановичъ					
Джунковскій	-	-	-	-	10
Обыватель Михаилъ Одарченковъ	-	-	-	-	3
Обыватели Иванъ Базавлунъ, Семень					
Баранецъ, Яковъ Лавренковъ	-	-	-	-	5
Всего					450